

СЕРДЦА БУДУТ РАЗБИТЫ.
ГОРОДА ПАДУТ. БОГ ВОССТАНЕТ

И МЕРКНЕТ СВЕТ

18+

КЕЙТИ РОУЗ ПУЛ

Кейти Роуз Пул
И меркнет свет
Серия «Young Adult. Век тьмы»
Серия «Век тьмы», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66960813
К. Р. Пул. И меркнет свет: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;
2022
ISBN 978-5-04-163401-8

Аннотация

Город Милосердия разрушен. Древний бог воскрешен и с каждым днем становится сильнее, угрожая вырваться на свободу и посеять хаос.

У каждого из них своя участь. Беру, которая заточила в своем теле древнего бога. Пророк, наделенный невероятной властью. Джуд, которому придется нарушить данное обещание. Антон, которому суждено встретиться с тем, от чего его никто не сможет защитить.

Век тьмы уже невозможно остановить.

Время истекает, и хрупкому союзу друзей грозит опасность. Но прежде всего им надо сохранить секрет, от которого зависят жизни каждого в Шести Пророческих Городах.

Содержание

I. Хранитель Слова	6
1. Беру	6
2. Хассан	16
3. Эфира	25
4. Джуд	33
5. Антон	52
6. Эфира	65
7. Антон	80
8. Хассан	91
9. Беру	99
10. Джуд	110
11. Эфира	115
12. Хассан	121
13. Антон	129
14. Беру	140
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Кейти Пул

И меркнет свет

Katy Rose Pool
Into the Dying Light

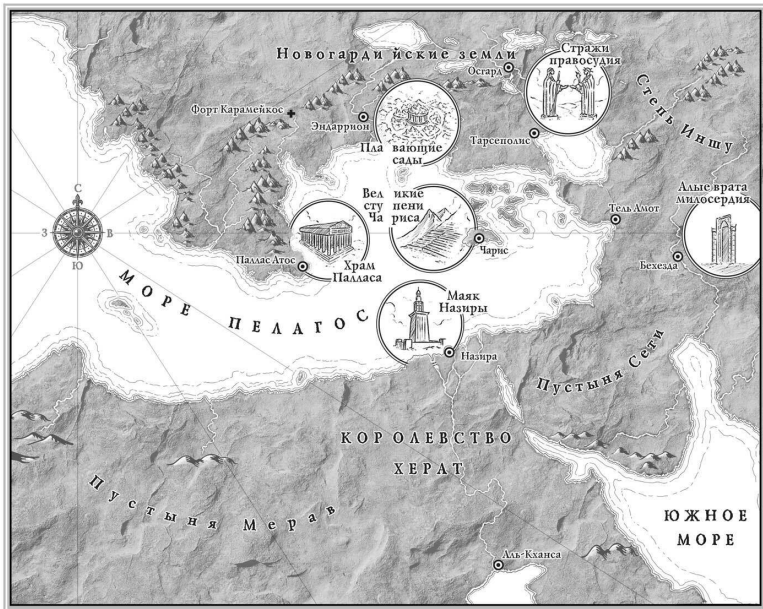
Copyright © 2021 by Katy Pool
Map illustration by Maxime Plasse
Jacket illustration by Jim Tierney
Jacket design by Mallory Grigg

© Сибуль А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается всем, кто преодолел собственный
Век Тьмы.*

I. Хранитель Слова

1. Беру

Беру наблюдала за свидетелями, собравшимися перед алтарем и походившими на золотисто-черное море. Ладонь Палласа нежно лежала на ее плече, напоминая свидетелям и Беру, кто тут главный. По ее коже бежали мурашки. Бог не мог успокоиться и вздрагивал под рукой Палласа, борясь с Четырехлистной Печатью, которая удерживала его внутри девушки.

Она чувствовала злость бога, никуда не исчезающее желание уничтожить Палласа и низкое гудение где-то в затылке.

– Сегодня, – объявил Паллас, – день славы. День божественного суда, когда порочные будут наказаны, а достойные вознаграждены.

Он кивнул Лазарусу, и его длинные пальцы на мгновение впились в плечо Беру. Свидетель, чьи шрамы от Божьего огня мерцали в свете факела, скользнул к ней, словно тень.

Холодными руками он расстегнул ошейник из Божьего огня и снял его с шеи Беру. Когда прикосновение металла исчезло, девушка почувствовала пронесшуюся по телу вспышку божественной силы. Это ощущалось практически болезненно.

– *Мы могли бы уничтожить его*, – шептал бог в ее голове. – *Мы бы освободились*.

Теперь, когда ошейник ее больше не сдерживал, ненависть бога разнеслась по Беру, словно едкий яд. Девушка закрыла глаза, чтобы противостоять ему, и подошла к краю алтаря, подняв руки. Она ощущала невидимые потоки эши, вибрировавшие в храме, и, повернув запястье, потянула за них, тем самым распахивая двери настежь. Санктум наполнился ярким белым светом, и почитатели ахнули от восхищения.

Голос Палласа эхом разнесся по помещению:

– Кто из верных готов первым принять откровение?

Толпа расступилась, и к алтарю направился свидетель в черно-золотых одеяниях. За ним брела женщина в оковах, ее черные волосы свободно свисали вокруг плеч. Она казалась хрупкой и грязной, как загнанное в ловушку, наполовину заморенное голодом создание, но в ее глазах горел дикий огонь.

– Безупречный, – произнес свидетель, добравшись до алтаря и поклонившись Палласу. Потом повернулся к Беру: – Святой Создатель. Я ищу откровение и отдаю тебе эту грязную грешницу, чтобы услышать твое решение.

Закованная в цепи женщина дрожала, стоя перед ними, но взгляд не отводила.

Беру стало тошно. Раньше она расписывала свое тело алхимическими чернилами: одна отметка за каждое убийство,

которое совершила ее сестра, чтобы поддержать жизнь Беру. На ней не осталось физических отметок от украденного Дара за последние две луны, но все же она знала, что ее подсчет превышал все списки Эфиры. Ужас так и не угас в ней, и каждый раз было так же страшно, как и в первый.

– Выйди вперед, – произнес Паллас, отступая в сторону и пропуская свидетеля с женщиной к алтарю.

Свидетель преклонил колени перед Беру, но его пленница сопротивлялась, стоя прямо, пока жесткий рывок за цепь не повалил ее на колени. Женщина вскрикнула.

Беру знала, чего хочет от нее Паллас, какую роль она должна сыграть. И также знала, что она это сделает. Но сначала заставит его подождать. Пусть гадает, не откажет ли она ему. Может, в этот раз она решит, что игра больше не стоит свеч.

Может, теперь она нанесет свой удар.

Каждый отданный Палласом приказ был детально просчитан. Что он потребует от нее в следующий раз? Будет ли это настолько ужасно, что она засомневается? Или откажется. Открытое неповиновение Беру повлечет за собой наказание Эфиры, которую Паллас запер в цитадели. Но Иерофан не знал, где проходят границы Беру.

Она и сама не знала.

Девушка подняла руки, и сила бога устремилась в ее ладони и кончики пальцев, словно холодное пламя. Пленница непокорно смотрела на нее. Беру заставила себя взять ли-

цо женщины в руки, посмотрела в ее большие карие глаза, на суровый изгиб губ и, потянувшись, схватила силой бога пульсирующее тепло Дара женщины. Пленница издала отчаянный крик, когда Беру развела пальцы и потащила Дар, отрывая его нить за нитью от ее тела.

Беру закрыла глаза, стараясь не слышать ужасающие звуки пытки. Они еще долго будут преследовать и звенеть в ее голове вместе с криками и воплями. Через мгновение все закончилось, и женщина упала на землю. Ее Дар вырвали из нее.

– Скверна уничтожена, – произнес Паллас. – И праведный награжден. Мерзость была очищена и превращена в благословение для немногих верных.

Свидетель у ног Беру встал.

Она снова протянула руки, и яркий, дрожащий Дар, вырванный у пленницы, закружился вокруг свидетеля. Беру осторожно привязала его к эше мужчины, после чего он вскрикнул и упал на колени.

Прежде чем Беру поняла, что происходит, она уже поворачивалась к Палласу. Божий огонь соскочил с одного из факелов на ее руки, и Паллас замер, широко распахнув свои голубые глаза. Злобное удовлетворение бога растекалось по Беру. Толпа позади них ахнула.

Беру закрыла глаза, делая тяжелые вздохи, пока бог пытался получить над ней контроль. Она чувствовала это, словно темный туман просачивается в ее разум.

Она искала воспоминание, которое бы помогло ей.

Когда мне было семь, я нашла под акацией во дворе птицу со сломанным крылом, – подумала она. – Я принесла ее Эфире, и она ее исцелила.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание, и девушка ухватилась за него. Как дрожала покрытая перьями грудка птички, когда Эфира коснулась ее. Как она попрыгала прочь от них, пошевелив излеченным крылом. Как чирикнула, улетая и присоединяясь к другим птицам высоко в ветвях акации.

Подробности этого воспоминания дали ей опору. Напомнили, кто она и что может чувствовать. Беру позволила этим эмоциям наполнить ее, подобно свету, пробивающемуся сквозь туман.

– Ты хочешь этого, – сказал бог, давя на печать. – Я чувствую в тебе это желание. Ты хочешь прикончить его не меньше меня.

Переводя дыхание, она задумалась над его словами. Убить Палласа. Выпустить бога на волю.

Но она не могла. Каким бы злом ни являлся Паллас, бог был еще хуже. Если она освободит его, то ничто не мешает ему разрушить мир, как тогда, в Бехезде, когда Беру была всего лишь пассажиром внутри зверя.

Она почувствовала рядом чье-то присутствие. Лазарос оказался за ее спиной, готовый обуздать ее цепями Божьего огня, если понадобится.

Беру опустила руки и погасила пламя, а потом поверну-

лась к свидетелю и закованной женщине на алтаре. Свидетель застонал и поднялся на ноги.

– Узрите! – сказал Паллас и встал перед Беру, словно ничего не произошло.

Свидетель подпрыгнул, а только что украденный для него Дар отправил его дальше и выше, чем обычного человека. Это была неловкая и неумелая демонстрация, но вскоре он научится управлять своим Даром.

Беру встретила с ледяным взглядом Палласа, и все внутри наполнилось страхом. Пусть ей удалось остановить бога, но вред уже был нанесен. И Эфира за это заплатит.

* * *

В ту ночь они вернулись в резиденцию в цитадели, а Беру – к своему ошейнику. Она уже привыкла к его слабому покалыванию и почувствовала облегчение, когда эмоции бога перестали накрывать ее разум, словно грозовые тучи.

Беру присела у огня, а Лазарос прятался у окна. Он стал ее личной тенью: охранял, чтобы убедиться, что она контролирует бога и сама не нарушает правила. Как бы Палласу ни нравилось командовать Беру перед последователями, он не оставался с ней наедине. Потому что слишком хорошо понимал, как сильно бог жаждет его смерти и свободы.

Беру не нравился Лазарос. Свидетели собирались вокруг Палласа по разным причинам, но преданность Лазароса пре-

восходила их всех. Он выжег собственный Дар, чтобы это доказать. Такая верность не поддавалась объяснению, и Беру чувствовала, что даже некоторые свидетели остерегались его.

Прошло уже два месяца, а она так и не привыкла к его внимательным серым глазам, разрозненному узору из шрамов, пересекающих лицо, или к его осторожному поведению. Но больше всего ее нервировало, с каким благоговением он на нее смотрел. Для Палласа она была инструментом, но Лазарос ей поклонялся. Девушка не знала, что ей не нравилось больше.

Небо за окном Беру потемнело, и в дверь раздался стук. Лазарос подошел и открыл ее.

Внутрь зашла Эфира с двумя свидетелями по бокам. Ее запястья были закованы в наручники Божьего огня, но в отличие от ошейника Беру их никогда не снимали. Она заметила свежий рубец на щеке Эфиры, а ее одеревенелая походка намекала, что повреждений больше, чем видно.

Беру встала, подошла к сестре и обняла ее.

– Спасибо, что привели ее, – кратко ответила она свидетелям. – Теперь можете идти.

Они поколебались под взглядом Беру, поглядывая ей за плечо, где притаился Лазарос. Только после его сигнала они решились уйти.

– Принесите нам ужин, – крикнула им вслед Беру.

– И вина! – добавила Эфира.

Вторая дверь с щелчком захлопнулась, и Беру схватила сестру за подбородок, чтобы получше рассмотреть рубец.

– Я в порядке! – фыркнула Эфира, отталкивая руку сестры и бросая тревожный взгляд на Лазароса.

– Прости, – грустно произнесла она. Рубец словно светился на лице сестры, напоминая об обещании Палласа, что Эфира и только Эфира пострадает от неповиновения Беру.

Эти встречи с сестрой стали частью договоренностей между Беру и Палласом, но девушка заметила, что они также давали ему то, что можно использовать против нее. Дар, который можно забрать, если Беру не будет повиноваться.

– Не надо, – ответила Эфира, в ее голосе прозвучала гордость. Она запустила руку в складку куртки: – Я кое-что тебе принесла.

Лазарос бросился к ним, и Эфира закатила глаза, но кинула то, что держала в руке. Это была морская ракушка, которую она нашла в бухте у резиденции Архона Базилевса.

Как только Лазарос успокоился, изучив предмет, то протянул его Беру. Она открыла ладонь, и он вжал в нее ракушку. Его прикосновение всегда было холодным, словно Божий огонь, но Беру подавила дрожь и отняла руку.

– Спасибо, – поблагодарила она Эфиру и положила ракушку к другим на подоконник. – Пойдем, давай присядем.

Вместе они вернулись к камину и позволили его теплу согреть их руки. Холод уже начал проникать в воздух Паллас Атоса, когда жаркие летние месяцы уступили место осени.

Слуги, пережитки Архона Базилевса до его ареста, прибыли через пару минут и принесли ужин: рагу из ягненка, орехи и гранат лежали на подушке из шафранового риса. Дополнял блюдо кувшин вина.

Беру и Эфира так привыкли перебиваться остатками и жить в норах, что им пришлось привыкать к изобилию этого места. Нужно было привыкнуть и к другим вещам. Например, к мягким, ищущим взглядам, которыми ее одаривала Эфира во время еды. К чувству вины, грызущему сердце Беру, пытающейся не думать о лицах людей, которых она сегодня пытала.

Их было восемнадцать, больше, чем обычно. Она не хотела думать, что это значит, но послание Палласа распространилось, и к нему присоединялось все больше людей. Они разыскивали Одаренных, ловили их и калечили.

– Прости, – внезапно произнесла Беру, отложив вилку.

Эфира коснулась рубца на щеке:

– Беру, я уже сказала тебе...

– Я не про это, – возразила она. – Или... не только про это. Прости, что никогда не понимала до этого момента, каково тебе было. Все эти годы ты убивала людей, чтобы... Прости.

– Беру, это никогда не было твоей виной, – сказала Эфира, внимательно глядя на сестру.

– Я назвала тебя монстром. – Горло Беру сжалось от слез.

Эфира отвернулась:

– Возможно, это правда.

– Кто же тогда я? – спросила Беру. – Те люди сегодня в храме... Я лицемерка. Винула тебя за то, что ты делала ради меня. Но теперь я нахожусь в том же положении.

Эфира сжала руку сестры, в ее темных глазах бушевала буря.

– Ты бы никогда не смогла стать монстром. Ты моя младшая сестренка. И мы... – Она бросила быстрый взгляд на Лазароса, и Беру поняла, что та не договорила: «Мы выберемся».

– Все будет хорошо, – сказала Эфира и похлопала ее по руке со слабой улыбкой.

Беру повернула ладонь вверх и сжала руку сестры, мечтая, чтобы та поняла, какие опасные слова не произнесла.

Выхода не было. Не для Беру. Потому что с каждым новым днем баланс сил склонялся не в сторону Палласа и не в ее сторону. Побеждал бог. Его воля становилась все сильнее, и Беру не знала, сколько еще продержится, прежде чем он полностью вырвет контроль из ее рук.

И тогда они все будут обречены.

2. Хассан

Хассан открыл дверь в комнату, которую делил с другими над таверной «Три пальмы». От усталости и злости его конечности были словно налиты свинцом.

В открытое окно проникал липкий от соли морской воздух. Развалившийся на кровати Гектор приветственно поднял руку, и Хассан заметил, что в другой у него уже зажата чаша с вином.

– Джуда нет? – спросил он, ногой закрыв дверь и проглотив горячую злость, подступившую к горлу. Как правило, Джуд и Гектор возвращались со смены в порту одновременно, за пару часов до окончания работы Хассана в конторе. Но Джуд постоянно исчезал, и это все больше раздражало.

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – тихим голосом произнес Гектор, садясь. Он моргнул, обратив внимание на выражение лица Хассана и его очевидно плохое настроение. – Что не так? Кто-то снова пролил чернила в конторе?

Хассан выдохнул и рухнул на кровать напротив Гектора.

– На площади стало больше свидетелей.

– А, – понимающе произнес Гектор. – Позволь угадаю, они винят Одаренных в разрушении Бехезды? Говорят, что Паллас Верный придет и спасет их всех?

После разрушения Бехезды тысячи людей покинули руины города и добрались до Тель-Амота. Некоторые сели на

корабли до Чариса и Паллас Атоса, и даже до самого Эндарриона, но многие остались в портовом городе, как и Хассан, Гектор и Джуд. Вместе с беженцами пришли и свидетели, готовые воспользоваться их отчаянием и завербовать бедняг в свои ряды. Хассан вскипал от одной только этой мысли и не мог не вспомнить свидетелей, которые терроризировали хератских беженцев на горе Паллас Атоса.

– Чем быстрее Архон Базилевс вернется к нам, тем лучше, – проворчал Хассан. – Тогда мы наконец сможем уехать в Паллас Атос и что-то сделать со свидетелями.

Разнообразная работа в порту и конторе помогала оплачивать проживание в Тель-Амоте, пока юноши размышляли над следующим шагом. Работая счетоводом в конторе, Хассан получил доступ к информации о торговых поставках в Паллас Атос и таким образом смог тайно передавать туда сообщения для Архона Базилевса посредством специальных доставок пальмового вина в его поместье. Игра была опасной, но Хассан чувствовал, что Архон будет противостоять захвату Паллас Атоса Иерофаном и постарается сделать все возможное, чтобы остановить его.

За месяц тайных сообщений Хассан наконец смог убедить Архона, что он стоит помощи, и составил план, как им попасть в Паллас Атос, оставшись незамеченными Иерофаном. А теперь Хассан ждал последнего кусочка пазла – корабля, отправленного Архоном, который доставит их в целости и сохранности в гавань Паллас Атоса.

Ждал он уже почти две недели, и его терпение начало иссякать.

– Кстати об этом, – Гектор прочистил горло. – Кое-что произошло.

Хассану стало не по себе.

– Сегодня из Паллас Атоса прибыл корабль, – сказал Гектор. – Команда сообщила, что Архона Базилевса арестовали люди Палласа.

Все внутри Хассана оборвалось.

– Что? Не может... Скажи, что ты шутишь.

Но по серьезному выражению лица Гектора было понятно, что это не так.

Шесть недель построения планов коту под хвост. Хассана душила ярость. Архон был их единственным союзником в Паллас Атосе, а теперь его убрал с доски жаждущий могущества Иерофан. Стоило догадаться, что Архон не сможет долго цепляться за власть. Нужно было действовать быстрее.

– Мы разберемся, что делать дальше, – неуверенно произнес Гектор.

– Как? – взорвался Хассан. – Без помощи Архона мы даже из гавани не выберемся. Весь город под контролем Иерофана.

Им придется начать сначала и в этот раз не ждать помощи от кого-либо в Паллас Атосе.

– Не знаю! – в голосе Гектора зазвенело раздражение. – Должен же быть кто-то, кто может нам помочь.

Тихо и неуверенно Хассан произнес:

– Ну, есть одно место, куда мы можем обратиться за помощью.

Гектор застонал, поднимаясь с кровати и почесывая щетину, которую уже перестал сбривать. Шесть недель труда в порту накачали его мышцы, но сам он словно усох.

– Пожалуйста, не начинай снова. По крайней мере, подожди, пока я еще выпью.

– Нам нужны союзники, – сухо ответил Хассан. – А Орден последнего света, какие бы проблемы у тебя с ним ни были...

– Они не союзники, – горячо ответил Гектор. – Хассан, да ладно тебе. Ты притворялся пророком, Джуд сбежал с настоящим пророком, а я нарушил свою клятву. В списке их потенциальных союзников мы находимся далеко внизу.

– Не ниже Иерофана, – упрямо ответил Хассан. – Нам нужно по крайней мере попробовать связаться с ними. Вариантов-то больше нет.

– А как насчет Потерянной Розы? – спросил Гектор. – От них все еще нет новостей?

Хассан покачал головой.

– Значит, весь их план по охране Реликвий провалился, и теперь самый страшный кошмар воплощается в жизнь, а они? Уехали отдыхать на острова?

– Не знаю, – ответил Хассан. Единственной причиной, по которой он знал о существовании Потерянной Розы, был свиток, найденный в Великой Библиотеке Назиры, куда

спрятал его отец Хассана. Соглашение, гласившее, что члены Потерянной Розы являются защитниками четырех священных Реликвий, источников Дара.

Возможно, он слишком многого хотел, надеясь, что тайная сеть защитников придет им на помощь. Возможно, все дело в том, что отец каким-то образом был связан с этими людьми, и это давало ему проблеск надежды. А когда Джуд рассказал, что встречался с их главой в Эндаррионе, что она вернула Реликвию Сердца и помогла им найти Реликвию Взора, создалось впечатление, что Потерянная Роза где-то все-таки существует и направляет их. Но Хассан чувствовал себя глупым ребенком, когда позволял себе такие мысли.

Никто не придет и не поможет им.

– Возможно... – Хассан не договорил, взглянув на Гектора. Он сомневался, что сможет завершить мысль, но все равно продолжил: – Может, мне стоит вернуться в Назиру?

Глаза Гектора широко распахнулись.

Хассан сделал свой выбор – два месяца назад, когда они все собирали идеи по частям, стараясь создать что-то похожее на план из руин Бехезды. Хассан мог бы вернуться в Назиру, присоединиться к Кхепри, Зарин и другим и снова выступить против Лети, когда она ослабла после отъезда Иерофана.

Но он этого не сделал. Он остался с Джудом и Гектором в надежде остановить Иерофана – Палласа. В надежде помочь им спасти Беру, девушку с силой бога. Тогда ему казалось,

что это правильный выбор: спасти мир, чтобы спасти свой народ.

А теперь он не был в этом так уверен.

Скрипнула дверь, и в комнату вошел Джуд. Его взгляд был прикован к полу, а тело словно отяжелело от усталости. Повисло напряженное молчание, и, кажется, оно становилось все острее каждый раз, когда они оказывались в комнате втроем.

– Внизу есть еда, – безжизненным голосом сказал Джуд, снимая потрепанную куртку.

– Уже поел, – ответил Гектор.

Хассан промолчал, наблюдая, как Джуд проходит через комнату, открывает их общий шкаф и вешает туда куртку, двигаясь отрывисто и неестественно.

– Архона Базилевса арестовали, – сообщил Хассан, глядя в напряженную спину Джуда.

Тот не повернулся.

– Знаю. Мы с Гектором вместе узнали об этом.

– И что же такого оказалось важнее возвращения сюда и информации, что весь наш план разрушен? – требовательно спросил Хассан, поднимаясь на ноги.

– Я гулял, – коротко ответил Джуд. – Какая разница?

– А такая, что мы уже шесть недель в Тель-Амоте, а ты едва пошевелил пальцем, чтобы помочь нам с планом, как остановить Иерофана. Я придумал его, я связался с Архоном Базилевсом. Я даже не знаю, где ты проводишь полови-

ну времени! Ты вообще хочешь вернуться в Паллас Атос?

Наконец Джуд повернулся к нему:

– А ты? Или хочешь убежать назад в Назиру?

Значит, он слышал. Хассан не удивился, он уже привык жить с двумя людьми, одаренными невероятно острым слухом.

– Я хочу поехать в Паллас Атос, – с жаром ответил Хассан. – Хочу остановить Иерофана. Спасти ту девушку и остановить бога, как мы и планировали.

Джуд встретился с ним взглядом, и по его лицу пробежала тень боли, слишком ужасная, чтобы ее озвучить. Хассан видел, как она скрывалась в глазах Джуда с той самой первой недели в Бехезде, когда они обыскивали руины в поисках знака, что пророк, Антон, все еще жив. Но ничего не нашли. По пути назад в Тель-Амот казалось, что Джуд спрятал свою боль, запер ее где-то глубоко, словно мог лишить ее воздуха и удушить. Но Хассан видел, что это она его душит.

Он знал, что Джуд едва спит, ложится в ранние часы утра и выматывает себя тяжким трудом в порту, прежде чем вырубиться от полного изнеможения. Он заставлял себя тренироваться вместе с Гектором, фехтовал и практиковал коа с энтузиазмом, граничащим с одержимостью. А иногда просто закрывался без видимой причины, как предыдущей ночью, когда Хассан предложил выпустить пар за карточными столами. Джуд вылетел из комнаты, не сказав ни слова, и вернулся лишь на следующее утро.

А еще примерно месяц назад случился инцидент, который привел к тому, что можно назвать уличной дракой. Джуд против полдюжины свидетелей. Они не могли с ним сравниться. Одного он почти убил, и Хассану с Гектором пришлось оттаскивать его.

Хассан был слишком хорошо знаком с этой яростью. Как и Гектор. Они оба понимали, что это на самом деле. Горе, способное разорвать вас на части, если ему позволить.

– Его нет, Джуд, – твердо сказал Хассан. – И лучший способ справиться с этим – продолжать жить. Закончить то, что начал вместе с ним. Остановить Иерофана.

– Он не... – Джуд замолчал, сжимая челюсти и глядя в окно. – Если ты хочешь сдать, то пожалуйста. Возвращайся в Назиру, я тебя не держу.

Прежде чем Хассан успел ответить, Джуд вышел вон из комнаты.

Через окно снова ворвался соленый воздух, обдав прохладой Хассана, опустившегося на кровать.

– Ты же не вернешься в Назиру, да? – спросил Гектор, прервав долгое молчание, повисшее после ухода Джуда. – А как же Иерофан? Как же Беру?

Хассан поднял взгляд на Гектора. Тот рассказал ему однажды вечером, когда оба хорошо выпили, что девушка для него значила. Эта новость сильно ударила по принцу, слишком сильно. Потому что он вспомнил Кхепри и оставленное позади в Назире. Несмотря на ложь и уничтоженное между

ними доверие, он так скучал по ней, что иногда едва мог дышать.

– Наш план развалился на части, – сказал Хассан. – Союзники закончились, а я не могу сидеть здесь и ничего не делать, Гектор. Только не снова.

Ситуация слишком напоминала первые недели в Паллас Атосе после того, как Иерофан завоевал Назиру. Жизнь на вилле Летии, ожидание. Отчаянное желание получить хоть какую-то частичку информации, хоть в чем-то быть полезным.

– Просто давай подождем еще пару дней. Еще одну неделю.

Хассана удивил мягкий, умоляющий тон Гектора, и он проглотил возражения, вертевшиеся на кончике языка. Возможно, они еще не все перепробовали.

– Я поговорю с Джудом, – пообещал Гектор. – Мы со всем разберемся. Может, нас отвезет контрабандист, или мы спрячем...

– Неделя, – согласился Хассан. Назначив срок, он почувствовал себя лучше. Словно вернул контроль. Он мог дать Гектору еще неделю, обязан был после роли, которую сыграл в освобождении бога. Роли, которую они все сыграли, доставив бога в руки Иерофана. – Но так или иначе, когда неделя подойдет к концу, я покину Тель-Амот.

3. Эфира

Должно быть, в этот раз Беру сделала или не сделала что-то ужасное.

Вот о чем в первую очередь подумала Эфира, когда свидетели вытащили ее из комнаты во второй раз за два дня. Обычно они наказывали ее прямо там, но, возможно, в этот раз мало было просто показать Беру последствия в виде оставленных синяков. Возможно, в этот раз они заставят Беру смотреть.

Эфира пыталась не думать об этом, пока они шли по незнакомой резиденции Архона Базилевса в Паллас Ато-се. Огромная, занимающая большую территорию вилла, построенная на скалах с видом на море, была такой огромной, что напоминала замок. Эфире же она служила тюрьмой. Ее пускали только в комнату, в которой она спала, на прилегающий к ней двор с видом на море и, конечно же, в комнату Беру, где они ужинали вместе каждый вечер. Куда бы ни вели ее сейчас свидетели, там она раньше не бывала.

Они подошли к большим дверям, за которыми оказалась роскошная комната в золотых и белых цветах. У ряда полок с книгами, декоративными дощечками и вазами стоял мраморный стол. Помещение походило на кабинет. Возможно, отсюда Архон Базилевс управлял городом, прежде чем Иерофан заковал его в цепи.

В глубине комнаты, у окон, через которые просачивался яркий свет, стоял сам Иерофан. Его чистые белые одеяния и золотые солнечные лучи создавали вокруг него ореол, и Эфира почти поняла, почему священники Паллас Атоса поклонялись ему.

Когда свидетели втолкнули Эфиру в комнату, она увидела, что Иерофан не один. Облокотившись на стол рядом с ним, стоял Илья Алиев. Он скрестил руки на груди и пытался выглядеть элегантно и беззаботно.

Эфире хотелось его убить.

Он прошелся по ней взглядом, останавливаясь на тонких цепях вокруг запястий. По выражению его лица девушка ничего не могла понять. Она резко отвернулась, прежде чем их взгляды встретились.

За последние два месяца Эфира периодически видела его мельком то из двора, то в коридорах, но этого было достаточно, чтобы понять, что он снова втерся в доверие к Иерофану благодаря своей обычной смеси из шарма, отсутствия морали и желания выполнять отвратительные задачи, которые ему давали. Но теперь они впервые встретились в одной комнате после того дня в Бехезде.

Еще одного любимого лакея Иерофана, того, с шрамами от Божьего огня, нигде видно не было, а значит, и Беру здесь нет.

– Пожалуйста, – мягко обратился к Эфире Иерофан, – присаживайся.

Словно Эфира согласилась на эту встречу. Словно она тут гостья, а не пленница.

– Мне и так хорошо, – ответила она, не двигаясь с места.

– Уверен, тебе любопытно, почему я тебя позвал.

Так и есть, ведь она едва видела Иерофана с тех пор, как они приехали в Паллас Атос. Кажется, ему достаточно было держать ее взаперти и приводить только тогда, когда нужно было контролировать с ее помощью Беру.

Сейчас происходило нечто другое. Но она не знала, что именно, и потому нервничала больше, чем если бы он просто привел ее ради очередных побоев.

– Илья говорит, что ты в городе не в первый раз, – продолжал Иерофан. – Не так давно ты убила священника, не так ли?

Не так давно. Сколько уже прошло? Четыре-пять месяцев? Словно целая жизнь.

– У тебя есть определенная репутация, верно? – спросил Иерофан. – В этом городе и в других. Бледная Рука. Убийца грешных.

Эфира смотрела на него, гадая, к чему он клонит. К признанию?

– Чего ты хочешь? – спросила она в раздражении.

Иерофана, видимо, не задела вспышка Эфиры. Он позволил повиснуть молчанию, чтобы наказать ее, пока она ждала его реакции.

– Я хочу, чтобы ты, – медленно произнес он, – продолжила

здесь работать.

– Работать?

– Архон Базилевс сейчас находится в цитадели и ожидает свою смерть, – сказал Иерофан. – Я бы хотел, чтобы ты принесла ее ему.

Эфира на мгновение замолчала. Иерофан хотел, чтобы она убивала ради него?

– Почему я? – наконец произнесла она. – Разве у тебя нет ручного бога?

Иерофан не ответил. И даже не отвернулся. Выражение его лица было, как всегда, непроницаемым.

Но Эфира знала. Знала, потому что была сестрой Беру. И как бы хорошо Паллас ни контролировал Беру, некоторые вещи он бы не смог заставить ее делать, даже с помощью угроз. Даже ради защиты Эфиры.

– Я посчитал, что ты подходишь на эту роль, – наконец ответил Иерофан.

Он уклонился от ответа, но был прав во многом. Он упомянул ее репутацию, мистическую Бледную Руку и страх, который она вызывала, особенно в городе, где убила не только мошенников и злодеев, но и священника, того, кто должен оставаться неприкосновенным. А теперь она оказалась во власти Иерофана, как и Беру. Для него она стала неисчерпаемым источником силы – ее настоящей силы, да, но также силы показать миру, что такая, как она, находится под его контролем.

– Возможно, мне стоит дать тебе время подумать, – предложил Иерофан. – Сегодня ночью, в одиночестве.

Теперь Эфира поняла, какую игру он ведет. Он не даст ей видаться с Беру, пока она не скажет «да». Каждая сестра стала идеальной пешкой, которую можно использовать против другой.

Эфира никогда не была особым тактиком, но даже она понимала, что они оказались в безвыходной ситуации.

– Или может... Илья, – произнес Иерофан, не отрывая от нее жуткого взгляда. – Ты провел много времени с нашей убийцей, не так ли?

Эфира старалась изо всех сил притворяться, что Ильи нет в комнате, но теперь ее взгляд сам по себе метнулся к нему. Он постучал пальцами по столу, очевидно скучая, словно у него имелись более важные занятия.

Она понимала глубоко внутри, как именно Иерофан узнал о них с Беру достаточно, чтобы получить над ними контроль. Все это было дело рук Ильи. Именно это он и делал – манипулировал, использовал любые слабости других и заставлял людей делать то, что ему нужно. И, даже если ты мог предугадать это, все равно попадался на крючок.

– Да, Безупречный, – ответил Илья, и на его губах заиграла улыбка. – Достаточно времени.

Эфира иногда задавалась вопросом, что именно Илья рассказал Иерофану о ней, о них. Изгиб губ, блеск в глазах, многозначительный тон послужили ей ответом, и ее щеки по-

краснели от ярости.

– Ты жалок, – сказала она Илье. – Ты нес всю эту чушь об искуплении, об исправлении ошибок в Бехезде, но, как только выгода оказалась на другой стороне, приполз к ногам Иерофана, словно послушная собачка.

Илья просто беспечно улыбнулся.

Эфире ничего так не хотелось, как стереть это выражение с его лица. Сделать ему больно, знать, что она на это способна. Она сделала угрожающий шаг вперед, не обращая внимания на пронизывающий взгляд Иерофана.

– Ты заплатишь. Пусть это будет последнее, что я сделаю, но я заставлю тебя заплатить.

Илья глянул мимо нее на Иерофана:

– Видите? Я же сказал, что парочкой синяков ее не сло-
мать.

Эфире понадобились все силы, чтобы не броситься на него и не задушить. Не будь на ней наручников из Божьего огня, она бы так и сделала. Но сейчас она просто смотрела на него, источая ярость.

– Вся эта сила... – размышлял Иерофан, пробегая взглядом по Эфире. Она не справилась с собой и вздрогнула. – Начинаешь гадать, что такая сила могла бы сделать в других руках, правильных руках. Возможно... – Он обратил взгляд на Илью. – Твоих?

Ее наполнил ужас. Она знала, что Иерофан заставлял Беру делать: забирать Дар у его противников и отдавать его сви-

детелям. Неужели Илья хотел этого? Забрать Дар Эфиры? В конце концов, именно это привлекло его к ней в первую очередь. Ее сила.

– Способность воскрешать мертвых, – сказал Иерофан, – убивать одним прикосновением. Жить. Пусть и не вечно, но долго, очень долго. Ты бы лучше использовал этот Дар, чем она, не так ли?

– Так, – согласился Илья, подходя к Эфире с хищным блеском в глазах. – Например, я бы научился его контролировать. А она этого так и не сделала.

– Часто именно те, кому достаются дары, не способны правильно ими пользоваться, – ответил Иерофан.

Она не шевелилась, игнорировала все инстинкты, приказывающие ей атаковать, даже когда Илья протянул руку и взял ее за закованное запястье. Его прикосновение обожгло ее кожу.

– Бледная Рука – всего лишь еще одна в цепи тех, кто вроде как имеет силу, но внутри слаб, – сказал Илья. – Убийца, которая воскрешает мертвых, может вернуть бога, но даже не умеет исцелять.

Их взгляды встретились, и его лицо не изменилось, когда он засунул большой палец под изящный наручник из Божьего огня вокруг ее запястья и прижал его на мгновение к пульсу.

– Она так и не научилась это делать? Не иронично ли? – Он отпустил ее запястье и повернулся к Иерофану.

Эфира не дышала.

– Жалко, – ответил Иерофан, чуть ли не позабавленный. – Хотя, полагаю, у всех своих слабости.

Его яркий взгляд на полсекунды дольше задержался на Илье, и, когда Иерофан снова посмотрел на Эфиру, она постаралась нацепить на лицо что-то вроде страха или ярости вместо беспомощного замешательства, охватившего разум. Ее пульс колотился в том месте, где ее коснулся Илья.

Потому что она снова недооценила его. Он снова обманул ее, завязал глаза и вырвал пол из-под ног. Как много лжи он скормил ей, начиная с их первой встречи в Паллас Атосе? Сложно сказать. Он был лжецом, она всегда это знала.

И только что он соврал Иерофану.

4. Джуд

Предвкушение билось в груди Джуда, когда он вошел в игорный дом и приготовился к волне сладковатого дыма и аромата. По гостиной бродили работники дома в просвечивающих одеяниях, сидели на подушках и низких кушетках, расставленных вокруг столов. Внутри куртизанка общалась с маленькой группой хорошо одетых мужчин, и их смех звучал громко и раскатисто. За ними сидел мальчик и водил пальцами по струнам инструмента, незнакомого Джуду, наигрывая плавную мелодию.

К Джуду подошла девушка с подносом.

– Что-то привлекло ваше внимание?

– Я пришел повидаться с Зиннией, – ответил Джуд.

Девушка сощурилась, и приветствие исчезло с ее лица.

– Она не принимает просто так. Нужно назначить встречу.

– У меня назначена встреча.

Кажется, девушку это не убедило, но она сказала:

– Присядьте.

Она отдала поднос другому слуге и исчезла за занавеской.

Джуд напряженно присел на подушку.

– Привет, – обратились к нему слева.

Он повернулся и увидел вальяжно развалившегося рядом парня, улыбающегося ему. Парень выглядел чуть младше Джуда, со светлыми волосами и зелено-кариими глазами. В

одном ухе мерцала жемчужина.

– Чего-то ждешь? – спросил он, наклоняясь к Джуду, и сладкий запах жасмина защекотал нос паладина. – Могу развлечь тебя, пока ты ждешь, если хочешь.

Глаза парня блестели, а на губах играла улыбка, предлагавшая вполне определенный тип развлечения.

– Нет! – выпалил Джуд, отшатнувшись. – То есть все нормально, спасибо. Все хорошо.

Парень пожал одним плечом. Его кожа казалась золотистой в тусклом свете.

– Как хочешь.

Этот жест так ярко напомнил Джуду об Антоне, что весь воздух покинул легкие.

– Так вот куда ты ходишь все это время? – спросил удивленный знакомый голос.

Джуд вскочил на ноги и увидел, как к нему от двери проталкивался Гектор.

– Я ожидал совсем не этого. – Гектор с подозрением осмотрел помещение. Девушка, сидевшая на подоконнике, с интересом взглянула на него.

Джуд сжал челюсти.

– Что ты тут делаешь? Ты следил за мной?

– Я волновался, – ответил Гектор, направляясь прямо к нему. – И, нужно сказать, не зря, если ты и правда этим занимался.

Джуд покраснел.

– Ты не знаешь, о чем говоришь.

Другие, ничем не занятые присутствующие, бросали на них тайные и более открытые взгляды. Их явно веселила драма, разворачивающаяся на их глазах.

Кажется, Гектор заметил, что они привлекли внимание, и понизил голос, встав перед Джудом.

– Слушай, я тебя не осуждаю. Я понимаю. Вроде как. Горе может заставить человека творить вещи, которые обычно...

– Это не то, что ты думаешь, – ответил Джуд в отчаянной попытке не дать Гектору закончить мысль. – Просто... я объясню все позже, ладно?

– Так вас будет двое или?..

Из-за занавеса появилась девушка и облокотилась о косяк двери, приподняв одно бедро и рассматривая Гектора с Джудом. Ее наряд выглядел проще, чем у других: простые серые штаны и бледно-голубая туника. Джуд заметил, как к щекам Гектора прилила краска, что было нехарактерно для него.

Ему хотелось провалиться под землю. Внезапно мысль о том, чтобы рассказать Гектору о настоящей причине прихода сюда, показалась не такой уж плохой.

– Ради Керики, – пробормотал Джуд, потирая висок и собираясь с силами. – Ладно, пошли.

– Что? – голос Гектора стал высоким и натянутым. – Джуд, я не...

– Просто пойдем со мной. Ты же хочешь узнать, чем я занимался. Я тебе покажу.

Гектор все еще казался встревоженным, но Джуд просто прошел мимо него и кивнул девушке, которая повернулась и провела их через атласные занавески. Мгновение спустя Джуд услышал тихую ругань, за которой последовали быстрые шаги Гектора.

Они прошли по коридору с арками, некоторые были прикрыты занавесками, а другие открыты и вели в более приватные версии гостиной, где люди находились в разных стадиях обнаженности. Встречались и закрытые двери, из-за которых доносились звуки, заставлявшие Джуда краснеть. Мимо прошли несколько работников игорного дома, радостно приветствующих девушку – Зиннию.

– Почему ты тут работаешь? – спросил Джуд, когда они свернули в другой коридор.

– Мне нравится атмосфера, – небрежно ответила она. – А что? Это задевает твои чувства?

– Нет, – ответил он, но покрасневшее лицо сдало его.

– И кто тебе тогда нравится? Мальчики, которые краснеют так же красиво, как и ты? Или девушки, которые знают, как брать контроль в свои руки? – Она глянула на Гектора. – Высокие, широкоплечие, темноглазые мужчины?

Гектор неловко закашлялся.

– Ты же знаешь, что я здесь не для этого, – мрачно ответил Джуд.

– А, может, стоило бы, – ответила Зинния. – Кажется, тебе бы не помешало расслабиться.

Джуд не стал даже отвечать на это и просто поджал губы, когда Зинния открыла дверь почти в конце коридора. За ней оказалась гостиная с низким диваном за столом, на котором стояли серебряный поднос, хрустальные бокалы и графин с красным вином. Девушка подошла к столу, жестом пригласив их сесть на диван, и налила в бокал вина. Джуд присел, но Гектор остался стоять возле двери.

– Итак, – Зинния предложила ему бокал, – Джуд Везерборн. Чем могу помочь?

– Я не... – отказался он от предложенного вина. – Подожди-ка. Ты знаешь, кто я?

Она пожала плечами и сделала глоток из бокала.

– Это моя работа. Разве не поэтому ты сюда пришел?

Он медленно кивнул.

– А еще я знаю, что ты нанимал шесть разных охотников за головами за последний месяц, – продолжила она. – И все они сказали тебе одно и то же. Почему же ты думаешь, что я смогу дать тебе другой ответ?

– Говорят, что «Провидческое агентство миссис Таппан» самое лучшее, – ответил Джуд.

– И ты готов заплатить в пять раз больше, чтобы услышать то же самое?

– Постойте. – Гектор наконец отошел от двери. – Охотник за головами? Мы в игорном доме ищем охотника за головами?

Джуд проигнорировал его.

– Я хочу нанять тебя, чтобы ты сделала то, что не смогли другие охотники.

Зинния пожевала губу и покачал головой:

– Тот, кого ты ищешь, мертв.

Джуд коснулся шарфа, спрятанного на груди. Он все еще помнил, как нашел его в развалинах склепа Жертвенной Королевы. Как он лежал там, ярко-голубой, на остатках красного камня, и как сердце Джуда сжалось, словно кулак, когда он достал шарф из руин. Как он без устали искал другие следы Антона. Но больше ничего не нашел, только это – кусок ткани, который можно спрятать у сердца. Больше ничего.

Он все еще чувствовал на себе взгляд Гектора. Вот почему он утаил это от него. Невозможно было видеть жалость в его глазах. Друг считал, что глупо цепляться за надежду, но Джуд предпочел быть глупцом, чем бросать Антона.

– Он не мертв, – ровным голосом произнес паладин.

– Джуд, – мягко позвал Гектор, но Джуд все еще отказывался на него смотреть. – Мы искали его в Бехезде. Много недель.

– Он жив, – резко сказал Джуд. – Знаю, что жив.

Он не мог объяснить свою уверенность. Даже когда мир вокруг них рушился, Антон каким-то чудом выжил. Джуд это знал. Потому что, если бы он покинул этот мир, если бы его тело обратилось в прах, а эша растворилась в воздухе, Джуд бы это почувствовал. Так же, как и много лет назад почувствовал появление Антона в этом мире.

Антон был пророком. Он не мог исчезнуть, потому что если это так, то надежды больше не осталось.

– Тебе стоит прислушаться к другу, – посоветовала Зинния мягким голосом. – Когда человека пытаются найти шесть провидцев и ни у кого не получается, это значит только одно.

– Так ты не хочешь браться за эту работу? – резко спросил Джуд, направляясь к двери. – Пойдем, Гектор. Мы закончили.

– Подожди секунду, – кажется, Зиннию это позабавило. Она глянула на Гектора: – Он всегда такой ворчливый?

С губ Гектора сорвался смешок:

– В последние дни – да.

Джуд повернулся к ним с яростью во взгляде.

– Возможно, я могу вам кое-что предложить, – сказала Зинния. – Честно говоря, я вас ждала.

– Что? – спросил Джуд с бешено колотящимся сердцем и обменялся взглядом с Гектором. Это ловушка. Свидетели и Паллас здесь? – Что ты имеешь в виду?

Рука Гектора метнулась к рукояти меча, а Джуд вытянулся словно тетива, готовый бежать или сражаться при малейшей провокации.

– Миссис Таппан сказала, что вы зайдете, – махнула рукой Зинния, ее явно не волновала их очевидная настороженность. – Она передает вам привет.

– Я никогда раньше не встречался с ней, – сухо ответил

Джуд.

– Да нет, встречался, – уверенно ответила Зинния. – Она одолжила вам свой корабль.

Напряжение Джуда превратилось в чистое недоумение:

– Леди Беллроуз?

Зинния улыбнулась.

– Это одна из ее многих личин.

– Кто? – спросил Гектор, переводя взгляд с друга на девушку.

– Она коллекционер, – сказал Джуд. – Или притворялась им. – Антон сказал, что она охотница за головами и называла себя лидером Потерянной Розы. Паладин повернулся к Зиннии: – Откуда она знала, что я приду сюда?

Девушка пожала плечами.

Леди Беллроуз был загадкой, когда Джуд встретил ее в Эндаррионе, но все, что она сказала ему, оказалось правдой. Она знала, что им нужно найти четыре Реликвии, чтобы остановить Палласа, что эша бога заключена в Алых Воротах. Она даже знала, что Дар Джуда поврежден и как именно можно его восстановить.

– Но тогда... – Джуд замолчал, и кусочки пазла встали на свои места. – Ты из Потерянной Розы?

Зинния улыбнулась.

– А ты умнее, чем кажешься.

– Стойте... Потерянная Роза? – повторил Гектор. – То есть та секретная организация, с которой пытался связаться

Хассан?

Зинния развела руки в стороны:

– И вот мы ответили. Всегда пожалуйста.

– Нам бы не помешала помощь шесть недель назад!

– Гектор! – предупреждая произнес Джуд.

– Мы были заняты, – ответила Зинния. – Учитывая бога, которого вы с друзьями выпустили в этот мир.

Джуд поморщился:

– Это не наша вина.

– Разве?

Джуд замолчал. Они сыграли свою роль в возрождении бога, хотели того или нет. Все они были частью последнего пророчества.

– Почему же вы связались с нами теперь? – с подозрением спросил Гектор.

Зинния поднялась на ноги:

– У нас для вас послание.

Несмотря на настороженность, Джуд почувствовал искру надежды. Если леди Беллроуз и Потерянная Роза связались с ним, значит, у них были новости. Новости, которые, как он надеялся, приведут к Антону.

– И откуда нам знать, что ты говоришь правду? – осторожно спросил Джуд. – По поводу Потерянной Розы и леди Беллроуз? Откуда мне знать, что ты не работаешь на самом деле на свидетелей?

Зинния улыбнулась, словно сама эта мысль ее посмеши-

ла. Вместо того чтобы ответить, она подошла к мраморному сундуку в углу комнаты. Пробормотала несколько слов – слишком быстро, чтобы Джуд успел их разобрать, – и сундук открылся. Она достала что-то оттуда и, вернувшись, бросила вещь на стол между ними.

Гектор и Джуд наклонились вперед, вглядываясь в медную сферу, покотившуюся по столу, после чего она наконец остановилась. Сфера была размером с кулак Джуда, с вырезанными тонкими линиями, составляющими завораживающий узор, который показался ему знакомым. Через мгновение что-то щелкнуло, и она стала похожа на камень оракула, который пророки использовали, чтобы сообщать о своих видениях.

Джуд глянул на Зиннию:

– Что это? Что там говорится?

Она пожала плечами.

– Хватит этой таинственной чепухи, – потребовал Гектор.

– Тут нет ничего таинственного. Я и правда не знаю. Сообщение откроется только одному человеку. – Она встрети-лась взглядом с Джудом. – Тебе.

Паладин опустил взгляд на сферу и осторожно взял ее в руки. Как только он прикоснулся к прохладной поверхности, сферу окутало сияние. Он чуть не уронил ее от удивления.

– Здравствуй, Джуд, – раздался из сферы знакомый голос. – Я рада, что ты наконец добрался сюда.

Леди Беллроуз. Значит, она и правда ждала Джуда.

– Жаль, что мы не можем поговорить лично, но мне нужно решить кое-какие срочные дела, – продолжила она. – Поэтому я надеюсь, что ты простишь меня за невежливую форму такого общения. Но мне нужна твоя помощь. Или, полагаю, можно посмотреть на это и по-другому – я могу помочь тебе.

Гектор и Джуд обменялись взглядами. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Я знаю, что ты ищешь способ вернуться в Паллас Атос, – продолжила леди Беллроуз. – И, возможно, что важнее, способ освободить девочку, Беру, из власти Палласа. Оказывается, я могу помочь с обеими задачами. Слушай внимательно. Архона Базилевса недавно арестовали люди Палласа. Его казнь назначена на осеннее равноденствие. Это идеальный шанс добраться до Беру, так как мы точно знаем, где она будет и когда. Потерянная Роза поможет тебе, насколько это возможно, но спасти ее придется именно тебе. Я могу предложить следующее: корабль, на данный момент пришвартованный в Тель-Амоте, отвезет вас в Паллас Атос. Поддельные документы помогут незаметно проникнуть в город. Я могу дать имя надежного союзника, владеющего ценной информацией об устройстве цитадели, и алхимика, связанного с Потерянной Розой. Они смогут помочь вам.

Джуд глянул на Гектора, который смотрел на него с удивлением на лице.

– Надеюсь, все это тебе поможет, – сказала леди Беллроуз. – Если бы я могла сделать что-то еще. А по поводу то-

го, что делать, когда девушка – и бог – окажутся у вас, ну... Скажем, я пока над этим работаю.

Сфера потухла, и в комнате повисло молчание.

– Что, – после долгой паузы спросил Гектор, – только что произошло?

Джуд положил сферу на ладонь и взглянул на Зиннию:

– Можно ее забрать?

– Она твоя, – ответила девушка. – О, почти забыла.

Она пошла назад к сундуку и достала что-то еще. Вернувшись, она протянула руку. На ее ладони лежало золотое кольцо с вырезанным символом розы ветров.

– Покажите это капитану «Лонгсволлоу».

Джуд смотрел на кольцо, обуреваемый чувствами. Он пришел в игорный дом с одной целью – найти Антона. А в результате на него обрушилось все это. Путь в Паллас Атос. Начало нового плана, чтобы вырвать бога из лап Палласа.

Именно это Хассан отчаянно пытался найти с того момента, как они прибыли в Тель-Амот, в то время как Джуд днями напролет пытался найти хоть какой-то след Антона. Он должен радоваться. Должен быть благодарен за это, за план, теперь можно хоть чем-то заняться. Но он мог думать лишь о том, каково это – сесть на корабль и уплыть прочь от последней надежды найти Антона.

– Спасибо, – неуверенно произнес Джуд, убирая кольцо и сферу подальше.

Девушка наклонила в его сторону бокал:

– Надеюсь, это вам поможет.

Она произнесла это так беззаботно, словно они обсуждали последствия карточной игры, а не судьбу мира.

– Да, – ответил Джуд. – И я тоже.

* * *

– Так мы им доверяем? – спросил Гектор, как только они вышли из игорного дома на освежающий вечерний воздух. – Этой леди Беллроуз? Потерянной Розе?

Джуд покачал головой:

– Не знаю.

– То есть, наверное, Хассан доверяет, – продолжил Гектор. – Раз он все это время пытался с ними связаться. Возможно, это знак, хороший знак. Нам бы он не помешал.

– Возможно, – согласился Джуд.

Его мысли были заняты не леди Беллроуз и Потерянной Розой, а тем, что Зинния сказала ему первым делом – что нужно сдать ся и не искать Антона. Гектор замолчал, и они направились через квартал красных фонарей Тель-Амота к океану и заходящему солнцу.

– Ну ладно, мы поговорим? – наконец спросил Гектор, когда они начали спускаться по широким ступеням вниз к гавани и Ночному Рынку.

– Поговорим о чем?

Гектор взял Джуда за локоть, заставив повернуться:

– Ты нанял сколько? Шесть охотников за головами, чтобы найти пророка? Мог бы сказать мне, чем занимаешься. Я бы понял. Ты же знаешь, я тоже через это прошел. В первый раз покинув Орден, я потратил почти год на поиски Бледной Руки. Все отдал ради этого.

– Это не то же самое, – горячо ответил Джуд, отстраняясь.

– Почему?

– Потому что твоя семья была уже мертва!

Мгновение Джуду казалось, что Гектор его ударит. Его руки сжались в кулаки, а взгляд стал холодным и смертоносным. Джуд не был уверен, что не заслужил этого.

Но потом Гектор выдохнул и обмяк.

– Гектор, я... прости, – выдохнул Джуд.

Гектор отмахнулся от него.

– Не надо, – отмахнулся Гектор. – Как и сказал, я понимаю. Я говорил тебе вещи и похуже. Да и делал.

Джуд опустил взгляд. Он знал, что они оба вспоминают, как Гектор бросил его истекать кровью в сожженных руинах храма в Паллас Атосе. Долгое время Джуд думал, что это будет его последнее воспоминание о друге.

Но вот они тут. Работают и тренируются вместе. Пытаются друг друга исцелить. Разрыв их дружбы, трещина, из которой он пошел, все еще иногда вставала между ними. Эту пропасть им, возможно, никогда не удастся полностью пересечь.

– Ты не говорил мне, почему вернулся, – тихо сказал

Джуд, снова подняв взгляд на Гектора. – В Керамейкос. После поисков Бледной Руки.

Гектор провел костяшкой по губам.

– Не знаю почему. Наверное, я просто устал от всего этого. От моих поисков. От одиночества. Я скучал по тебе.

– Я тоже по тебе скучал.

Джуд все еще помнил холодный ужас, который охватил его, когда он вернулся в форт Керамейкос после Года размышлений и обнаружил, что Гектор его там не ждет.

Гектор натянуто улыбнулся:

– Но не так, как ты скучаешь по нему. Пророку. Антону.

Джуд отвернулся к морю. Даже звук его имени причинял боль. Он закрыл глаза.

– Мне снились сны. Часто я едва могу их вспомнить, но не его. Я всегда помню только его.

Это отчасти было правдой. Иногда Джуд просыпался, и ему казалось, что Антон рядом с ним, он чувствовал его тепло и запах. Иногда сны были медленными и сладкими: медовый свет уходящего дня грел их, пока они целовались. Иногда Антон стоял вне досягаемости и звала Джуда: «Я здесь. Это я. Я тут, Джуд», – и паладин просыпался, опустошенный, полный ярости и уверенный, что сложно придумать более жестокую пытку.

Джуд всегда плохо спал, а теперь все стало еще хуже: он оставался на ногах сутками и откладывал сон как мог, чтобы не встречаться там с милым его сердцу призраком, прежде

чем сдаться и погрузиться в сновидение и снова в объятия Антона, потому что ничего ему так не хотелось, как этого.

– Раньше мне снилась моя семья. – Гектор коснулся плеча Джуда. – Мои родители, мой брат. Каждую ночь, кажется. Если позволить, это поглотит тебя.

Джуд глянул на руку Гектора, вспоминая то время, когда он сам утешал и предлагал бесполезные слова поддержки.

Он скинул руку Гектора с плеча:

– Возможно. Может, я это заслуживаю.

– Это не твоя вина.

Гектор не понимал. Джуд не смог защитить Антона, когда это было важнее всего.

– Я подвел его, – внезапно сказал Джуд. – Он пророк, тот, которому было суждено остановить Век Тьмы. Как же нам это сделать без него? Как мне... – Он резко замолчал. Его слова балансировали слишком близко к сути дела, и Джуд не знал, переживет ли он это.

– Не знаю, – сказал Гектор, не отрывая взгляда от друга. – Но нам нужно это сделать. Каким-то образом нужно.

* * *

Когда они рассказали Хассану о послании леди Беллроуз в приватной обстановке их комнаты, принц казался расстроенным.

– Так она просто... дала это тебе, – медленно произнес

Хассан. – Она просто... ждала тебя?

Джуд кивнул:

– А еще она дала мне вот это.

Он протянул кольцо.

Хассан взял его, чтобы рассмотреть.

– Это их символ. Роза ветров. Я видел ее в Великой Библиотеке, когда нашел договор. Если они дали это тебе, значит, доверяют нам.

– Но доверяем ли мы им? – спросил Гектор. – Разве все это не кажется слишком...

– Каким? – произнес Хассан. – Легким?

Гектор бросил на него косой взгляд.

– Сначала я не доверял леди Беллроуз, – признался Джуд. – Но она привела нас к Реликвии Взора. И была права насчет бога и Иерофана.

Она была права по поводу многих вещей.

– А мой отец был членом ее организации, – сказал Хассан. – Видимо, он ей доверял.

Джуд глянул на него. В последнее время они очень редко в чем-то соглашались.

– Казнь, о которой она говорит, – продолжил Хассан, – Архона Базилевса. Звучит как шанс, которого мы ждали. Я считаю, нужно попробовать.

Взгляд Гектора перескочил с Хассана на Джуда. Сам Гектор выглядел задумчивым:

– Ладно. Если вы двое доверяете им, то и я поверю. По-

дойдет все, что поможет нам подобраться к Палласу.

И к Беру, но он этого не сказал, хотя Джуд увидел непроизнесенные слова в его глазах. Они не обсуждали все, что случилось в Бехезде, но Джуд знал Гектора и понимал, что тому небезразлична эта девушка – неупокоенная, – и он хотел ее спасти.

Это было странно, особенно учитывая, что Джуд видел Гектора в последний раз в Паллас Атосе, когда тот собирался убить девушку. Он был уверен, что она последний предвестник Века Тьмы, и, как оказалось, был прав. Но никто из них тогда не понимал, насколько сложны пророчество и их миссия.

– Думаю, это значит, что мы садимся на корабль, – сказал Хассан, загибая пальцы. – У нас есть план или по крайней мере его начало. И союзники. Теперь нас ничто не остановит. Верно, Джуд?

Джуд заметил внимательный взгляд Хассана. Ничто их не остановит. И это пугало больше всего остального. Джуд провел последние полтора месяца, уверенный, что ему нужно оставаться в одном месте, чтобы Антон мог его найти. И ему казалось, что отъезд из этого ужасного, продажного города означал отказ от надежды.

Он встретился с Хассаном взглядом и кивнул:

– Верно.

Надежда Джуда, его вера, находилась не в Тель-Амоте. Она жила внутри него. Даже когда он уедет, даже когда ся-

дет на корабль и переплывет море, она все равно останется с ним. Их путь уводил его из Тель-Амота, но однажды, каким-то образом, он приведет его назад к Антону.

Должен.

5. Антон

Антон с удовлетворением вздохнул, когда Джуд наклонился и поцеловал веснушки на его подбородке.

Он не знал, сколько минут или часов они вот так нежно изучают друг друга, но к нему начало подбираться подозрение, что его не должно здесь быть. Антон позволил Джуду целовать себя еще несколько секунд, прежде чем мягко отодвинуться.

– Мы не должны, – сказал он. – Я не собирался приходить.

Джуд нахмурился и сел:

– Куда?

Они лежали на траве под павильоном в Плавающих садах. На них были те же одежды, что и на вечеринке Безымянной дамы.

– Тебе снится сон, – сказал ему Антон. – Это сон.

Между бровями Джуда пролегла морщинка.

– Это не может быть сном. Я не сплю.

– Спишь, – возразил Антон. – Но я нет. Я в твоём сне.

– Это бессмысленно.

Этот разговор состоялся уже очень много раз, как только Антон научился перемещаться во сне. Иногда, как, например, сейчас, Джуд словно забывал, что они расстались два месяца назад в Бехезде. В другое время он помнил и прижимал Антона к себе и бормотал извинения, касаясь его кожи.

Но чаще всего Антон не пытался ничего объяснять и позволял сну идти своим чередом.

Он не знал, упрощают ли эти визиты в кошмарах ситуацию или делают ее только хуже. Да он и не был уверен, что это имеет значение. По крайней мере, не такое, чтобы остановиться.

Антон подтянул колени к груди.

– Знаю, что бессмысленно. Просто я... недостаточно силен, чтобы держаться подальше.

Джуд улыбнулся ему:

– А зачем тебе держаться подальше?

– Потому что, – ответил Антон, – так только тяжелее.

– Что тяжелее? – спросил Джуд с тревогой в голосе.

Антон протянул руку и убрал волосы со лба Джуда:

– Быть вдали от тебя.

Джуд нахмурился:

– Ты не вдали. Мы вместе.

Антон вздохнул и прижался щекой к плечу Джуда.

– Ты прав, – сказал он приглушенным голосом. – Прав, конечно, мы вместе. Я говорю глупости.

Джуд рассмеялся, и этот звук пронзил грудь Антона.

* * *

Антон открыл глаза и увидел, что над степью разгорается заря. В ушах все еще звенел смех Джуда.

Им со Страницей нужно было вернуться на дорогу до полного восхода солнца. Он знал, что она уже ждет его, но позволил себе еще поваляться, представляя, что слышит нежное дыхание Джуда рядом с собой. Так было каждую ночь, проведенную в горах возле Керамейкоса. Возможно, Джуд сейчас не спал и смотрел в небо над собой, наблюдал, как звезды гаснут в первых лучах солнца.

Антон почувствовал знакомую тягу, желание, с которым он боролся два месяца: пойти в омут провидцев, бросить камень и прошептать имя Джуда Везерборна расходящимся кругам. Чтобы узнать, где он, увидеть это место на карте и провести пальцем по расстоянию между ними. Но тогда соблазн станет слишком велик. Ему нужно сосредоточиться на путешествии. На невыполнимом задании, предстоящем ему.

Почувствовав, что больше нельзя откладывать, Антон встал и оделся. Когда он натянул поношенные кожаные брюки для верховой езды и грубо сшитую рубашку, полог палатки открылся, и по телу прокатился знакомый звон эши.

– Если ты пришла за мной, то, должно быть, я уже сильно опаздываю на завтрак, – сказал он, разворачиваясь к Странице.

– Тебе нужна энергия, – сказала она. – Сегодня мы пойдем через перевал Черного снега.

Преодолев его, они доберутся до бухты Тарсеполиса, где их ждал корабль, чтобы перевезти их через Пелагос, назад в Керамейкос, бывшую крепость Ордена последнего света.

Антон не горел желанием туда вернуться, но это место было важным для выполнения его плана.

Он вышел вслед за Странницей из палатки и пошел на запах готовящегося мяса. Зига и Томо жестом пригласили Антона к костровой яме. Эти двое и еще трое человек из разных племен Иншуу согласились провести Антона и Странницу через одноименную степь.

После разрушения Бехезды, когда Странница нашла спрятавшегося в руинах склепа Антона, они отправились вверх по Реке милосердия в степь Иншуу, где и укрылись в месте, которое, по мнению Антона, существовало только в легендах.

Странствующий город.

Существовало только шесть пророческих городов, но это место принадлежало Страннице. Именно там она спряталась после того, как другие пророки повернулись к ней спиной. Паллас убедился, что в ее честь не строили памятники и ни один город не носил ее имя, но это место осталось – город, который не был городом и существовал только в сердцах и разумах тысяч разных племен в степи Иншуу. Они носили его с собой, куда бы ни отправились. Этот город появлялся, когда они зывали к степи.

В последний раз Странствующий город призывали много веков назад. Он не был нужен им. До этого момента. До разрушения Бехезды и возрождения древнего бога. Века Тьмы.

Антону он тоже был нужен. Странствующий город пода-

рил ему укрытие, место, где он восстанавливал силы последние два месяца. Также он дал Страннице время сдержать слово и научить Антона управлять своими силами пророка.

Его первый урок был необходимостью: он должен был научиться защищать свою эшу от любого, кто попытается найти ее. Это скрывало их от Палласа последние два месяца. Как и от всех других, кто хотел найти его.

– Что говорят пророки? – спросила Зига, передавая подсевшему к теплу костра Антону миску. – Сегодня выпадет первый снег?

– Вообще это работает не так, – сказал Антон и съел ложку густой рисовой каши.

– Ну, стоило попробовать, – сказала Зига.

Антону не терпелось добраться до Керамейкоса, но часть его будет скучать по степи. Ее огромному небу, темпу жизни странников, даже людям, которые, несмотря ни на что, стали ему небезразличны.

Как-то раз Илья сказал ему, что их мать была дочерью степи, потомком племен, которых покорила Новогардийская империя. Он не знал, правда ли это, правда ли он родственник этих людей, чувствовала ли часть его их родство. Большая часть его прошлого была утеряна. Его бабушка говорила только об императоре Василии и его наследии, которое управляло их жизнями.

От воспоминаний об Илье живот Антона свело, и завтрак внезапно стал не таким уж привлекательным. Но Илья на-

ходилась очень далеко – в Паллас Атосе, с Палласом, скорее всего снова добивался его расположения.

Паллас был еще одной проблемой, которую нужно решить. В то время как Антон становился сильнее и учился лучше управлять своим Даром тут, в степи Иншуу, Паллас использовал свой контроль над богом – Беру, – чтобы подчинить мир своей воле.

Но когда он упомянул это в разговоре со Странницей, она просто посоветовала ему сосредоточиться на миссии – добраться в Керамейкос.

– Я позабочусь об остальном, – сказала она. – Ну, не я. Этим занимаются мои лучшие люди.

Возможно, другие члены Потерянной Розы. Это хорошо, они могли защитить Беру и сдержать бога, пока Антон не добудет оружие, чтобы уничтожить его.

– Ты нормально спал? – мягко спросил Томо слева от Антона.

Антон вспомнил нежный смех Джуда и почувствовал прилив жара:

– Да, то есть нормально.

Странница наклонилась к нему:

– Давай не будем сейчас отвлекаться.

Антон отвернулся. Она всегда знала, когда он путешествовал во сне.

Через неделю после их прибытия в Странствующий город он пришел к ней и попросил научить проникать в чужие сны,

как она когда-то приходила в его. Ей понадобилось две минуты, чтобы понять, почему он хочет этому научиться, а ему два дня, чтобы убедить ее.

Она знала, что он хотел сделать – сказать Джуду, где они. Странница осторожно и спокойно объяснила, что когда Антон увидит всю правду, когда поймет, что она планировала ему показать, то не захочет привести туда Джуда. Антон не верил ей, сомневался, что это вообще возможно. С того дня на маяке он не представлял, что придется это делать – быть пророком – без Джуда.

Но теперь он понимал, что единственный способ защитить Джуда – оставить его позади.

– Ты ведь не передумал? – спросила Странница.

Антон покачал головой. Он не скажет Джуду, куда они направляются, как бы ему этого ни хотелось. Антон научился путешествовать во сне, чтобы сообщить Джуду, что он жив и находится в безопасности. Но почему-то эта идея превратилась в почти еженочные визиты, во время которых он терялся в близости Джуда и в итоге просыпался, скучая по нему сильнее прежнего.

Для него скучать по кому-то было новым ощущением. Он защищал себя от этого так давно, что не мог не разозлиться – на себя, на Джуда – за то, что создал трещины в стенах вокруг его сердца.

– Ты знаешь, чем все закончилось для меня, – сказала Странница Антону.

– Путешествие во сне? – спросил он, намеренно притворяясь, что не понял.

Она снисходительно улыбнулась:

– Другое.

Она говорила про любовь.

И он знал, чем она для нее закончилась. Знал, потому что она показала ему. Потому что третий и самый важный урок состоял из следующего: вернуться в прошлое и собственными глазами увидеть, кем были Семь Пророков и какие ошибки они допустили.

Страница показала ему все, что он хотел знать. Но ответы, которые ему дало прошлое, не были тем, чего он желал.

– Ну, я не позволю этому закончиться тем же самым и для меня, – твердо сказал Антон.

Он сделает все возможное, чтобы история не повторилась. Именно по этой причине они сейчас путешествовали. По этой причине они покинули Странствующий город и попрощались с людьми, которые дали им убежище, и направились чуть ли не на другой конец мира, в Керамейкос. Чтобы найти еще одних людей, которые знали, как победить бога.

Прошлое

Небо задрожало от цвета. Золотой, розовый и фиолетовый лучи бегали друг за другом между звезд. Воздух словно пульсировал ими.

Паллас стоял на ступенях Храма святого создателя и наблюдал, как шесть капель света упало на землю. Только Паллас слышал слова, доносящиеся с неба, послание создателя:

– Так как раньше был один пророк, способный донести мое послание, теперь их будет семеро. Семь пророков, которые услышат мои слова, избранные за свои добродетели. Назира Мудрая, Керик Щедрый, Эндарра – воплощение красоты, Бехезда Милосердная, Тарсеис Справедливый, и Ананки Храбрая.

Паллас вошел в храм и зажег молебную свечу на алтаре.

– Святой создатель, – сказал он. – Я был твоим самым верным и послушным слугой. Я доставлял твои послания людям, воздвигал храмы в твою честь. Почему же ты отверг меня? Почему создал больше пророков?

Тени на алтаре зашевелились.

– Ответь мне, о святой, – умолял Паллас. – Скажи мне, чем я тебя разгневал.

Сильный ветер продувал санктум, и пламя свечи разгорелось ярче.

Бог ответил, но не словами. Нет, ответ пришел через вибрации эши. А Паллас понял, что разозлил его. Что был высокомерным.

Паллас склонил голову:

– Прошу у тебя прощения, святой.

Ему было видение: как его лишили силы. Он остался без божественного слова бога. Оказался глух к эше мира.

Паллас содрогнулся:

– Это правда, я не достоин твоих божественных слов. Но, пожалуйста, позволь остаться твоим верным слугой. Я не стану снова сомневаться в твоей воле.

Тени отступили и вернулись во тьму.

* * *

Шестерка новых пророков стояла в Храме святого создателя лицом к лицу с пророком Палласом.

Все в Пелагосе и за его пределами знали Палласа Верного, единственного в мире человека, способного разговаривать с богом-создателем. До этого момента.

– Вас избрали, – сказал он новым пророкам. – Мой долг как первого и самого верного из пророков – научить вас нести волю святого создателя. Мы служим нашему богу, не людям. По этой причине вы должны отказаться от преданности королям и королевам, отказаться от связи с племенами и семьями. Такие привязанности затуманят нашу веру и сделают нас неспособными донести священное послание.

Пророк Ананки подняла голову и посмотрела на Палласа:

– А как насчет любви?

– Любовь, – пренебрежительно ответил Паллас. – Наши сердца принадлежат нашему создателю. Только эта любовь имеет значение.

Ананки Храбрая слышала слова Палласа, но не послушалась их. У нее была возлюбленная, подруга детства по имени Темара, девушка, чья красота и умение управляться с мечом были известны по всей стране. Темара присоединилась к Ордену Ананки и стала одной из ее приверженцев, чтобы оставаться рядом.

Но Паллас Верный запретил их отношения, и потому они скрывались от него.

В течение шести лет Семеро пророков служили богу создателю, получали видения и делились ими с людьми, чтобы направить их к их судьбам. В качестве символа верности богу каждый год во время летнего солнцестояния каждый из пророков должен был пожертвовать одну жизнь создателю.

На седьмой год выбирать жертву предстояло Палласу.

Семеро пророков и их приверженцы собрались в Храме святого создателя. Паллас встал на колени у алтаря и произнес:

– Святой создатель, мы скромно предлагаем тебе одного из нас. Предлагаем жизнь смертного в качестве доказательства нашей преданности. Наши жизни принадлежат тебе. Как и наши сердца.

И тогда Ананки поняла, что собирался сделать Паллас.

– Святой, жизнь Темары, последовательницы Ананки

Храброй, – твоя.

Трое из приверженцев Палласа вывели Темару из толпы и подвели к алтарю. Меч Темары висел у бедра, но она не стала бороться.

Тогда Ананки вскочила на алтарь вслед за ними и достала меч из ножен любимой. Она подняла его и встала между Темарой и Палласом.

И когда Ананки стояла вот так, уперев острие меча в горло Палласа, воздух наполнил раскат грома, и небеса разверзлись.

– Выбери другого, – потребовала она. – Ее ты не получишь. Выбери другого.

– Ты бросаешь мне вызов? – прошептал Паллас. – Бросаешь вызов создателю?

– Да, – ответила Ананки. – Я бы предпочла плюнуть на священный алтарь, чем причинить боль любимому человеку. Я бы предпочла, чтобы создатель обрек меня на вечность страданий, чем увидела, как страдает она.

– Это проверка твоей веры, Ананки, – сказал Паллас. – И ты ее провалила.

– Так пусть святой низвергнет меня, – ответила она.

Небо расколол гром, но Ананки не шевельнулась.

Она повернулась к Темаре:

– Пойдешь ли ты со мной?

Темара не ответила, но взяла меч из рук Ананки и благодаря прославившей ее силе расчистила путь из храма в бу-

шующую снаружи бурю.

* * *

Темара и Ананки убежали на край мира, в земли, созданные из огненных извержений и изрезанные древними ледниками. В страну, такую странную и отдаленную, что даже бог забыл об их существовании.

Они прятались одиннадцать месяцев. Ананки не отваживалась использовать силу, чтобы другие не нашли ее, но ночью ей снилось разрушение остального мира. Огни, голод и мор обрушились на Пелагос. Паллас и другие пророки пожертвовали одного, пять, дюжину последователей, но это не задобрило бога. Неповиновение Ананки разрушило баланс между богом и его созданиями.

Чувство вины снедало сердца обеих.

– Неужели я этого стою? – спросила ее Темара, когда Ананки проснулась от еще одного такого сна.

– Ты стоишь всего, – ответила Ананки, целуя ладонь по-други. – Прежде чем меня призвал святой создатель, я была твоей. А ты моей.

Но в молчании росло чувство вины.

И тогда, на двенадцатый месяц их изгнания, Ананки и Темару обнаружили.

6. Эфира

Предложение Палласа зависло в мыслях Эфиры, словно призрак, преследовавший ее каждую минуту заключения. В течение шести дней ей было нечего делать, кроме как смотреть на стены и гадать, как доставить послание Беру. Слуги приносили ей еду дважды в день, и каждый вечер свидетель стучал в ее дверь и задавал один и тот же вопрос, станет ли она палачом Иерофана.

И каждый вечер Эфира давала свой ответ. Сегодня вечером посланником была женщина, едва старше самой Эфиры, с острыми чертами лица и пристальным взглядом.

– Я хочу увидаться с Беру, – сказала она женщине.

– Хорошо, – ответила свидетельница. – Тебе нужно сказать одно слово, и я отведу тебя к ней.

– Отведи меня к ней сейчас, и я подумаю, – возразила Эфира.

Свидетельница слабо улыбнулась.

– Попробуем еще раз завтра. – Она повернулась к коридору.

– Стой, – сказала Эфира. Команда сорвалась с ее языка прежде, чем она успела ее хорошо обдумать.

Свидетельница задержалась в ожидании.

Эфира сглотнула. Она скучала по Беру, словно по части себя. И ей не нравилось быть одной, как и всегда. Через

шесть дней она уже была готова ломать стены.

Предложение Палласа дразнило ее. При мысли использовать Дар ради убийств по его приказу по коже бежали мурашки. Но что бы изменил отказ? Кого бы Паллас ни соби-
рался убить, это все равно случится, рукой Эфиры или нет. А
ее руки уже запачканы. Что значат еще несколько смертей?

Она встретилась взглядом со свидетельницей.

– Можно мне еще дров? Тут очень холодно.

Свидетельница сощурилась от раздражения, прежде чем
повернуться и выйти в дверь без лишних слов.

– Буду считать, что нет! – крикнула ей вслед Эфира. Дверь
захлопнулась, и Эфира осталась заперта внутри.

Девушка облокотилась о край кровати, дрожа. Она не шу-
тила про холод. Лето резко превратилось в осень, и то, что
когда-то было мягкими приятными ночами, стало холодом,
который пробирал Эфиру до самых костей.

Вздыхнув, она пересекла комнату, подошла к очагу и
страхнула пепел прошлой ночи. Что-то лежало, скомканное,
в золе, и мгновение спустя Эфира поняла, что это не остатки
огня. Это была длинная тонкая полоска бумаги.

Эфира замерла, и сердце подскочило в горле. Сообщение
от Беру, должно быть, это оно.

Она потянулась к бумажке дрожащими руками. Но, раз-
вернув ее, тут же поняла, что это ей оставил кто-то другой.
Потому что послание было закодировано так же, как и ме-
стоположение Чаши Элиазара. И единственным вторым че-

ловеком, знавшим код, был Илья.

Смутно, где-то на задворках сознания она понимала, что ждала этого. Что Илья свяжется с ней после той краткой, но странной встречи с Иерофаном. Эфира пыталась засунуть тот разговор в самый пыльный угол разума, но, к ее досаде, возвращалась к нему бесчисленное количество раз за последние шесть дней.

Она не могла отрицать, что слышала: Илья откровенно соврал Иерофану. Он сказал, что Эфира не умеет исцелять с помощью Дара, хотя сам был ярким доказательством обратного. В голове ворочались три разных варианта.

Первый: по какой-то причине Илья не хотел, чтобы Иерофан знал, что на самом деле Эфира способна исцелять.

Второй: Илья соврал Иерофану, зная, что Эфира распознает ложь, в надежде передать ей какое-то послание. Какое именно, она даже не хотела думать. Эфира чувствовала себя душой из-за того, что вообще решила, будто Илья пытался показать ей, что он есть и всегда был на ее стороне. Или что-то настолько же глупое.

А еще существовал третий вариант, в который было легче всего поверить: все это подстроено. Он пытался снова заставить ее поверить ему.

Эфира вспомнила, как он коснулся ее, просто слегка провел пальцем по запястью. Словно случайно. Но девушка была уверена, что это не так. Она просто не знала, что это значит.

А теперь еще и это. Закодированное послание, которое только они вдвоем могли понять.

Проклиная себя, она обыскала комнату в поисках того, что Илья мог использовать для создания шифра. На столе возле кровати стояло семь толстых свечей. Скорее всего такие свечи можно было найти в любой комнате на вилле. Она взяла одну из них и обмотала лист вокруг, выравнивая края, пока буквы не составили послание вдоль длины свечи.

Встретимся на крыше.

Она подняла взгляд к потолку. Послание и сам факт, что Илья оставил его в камине, означал одно – он знал, что Эфира обнаружила тайный способ выбраться из комнаты.

Но, очевидно, не сдал ее Иерофану.

Эфира снова глянула на записку. Ему нельзя доверять, это она знала. Потому разорвала записку на мелкие клочки и кинула в камин.

Ей не хотелось попасть в еще одну ловушку Ильи. Но и в комнате сидеть и ничего не делать надоело. А еще нельзя было отрицать, что ее одолевало любопытство.

Стараясь не привлекать внимания стражников за дверью, она подошла к камину и забралась на решетку. Измазав руки пеплом, чтобы они стали сухими, она поднялась по трубе и выбралась на ночной воздух. Это напомнило ей о временах Бледной Руки, когда она находила жертв, выслеживала их на улицах любого города, в котором они с Беру оказывались. Она почти скучала по тем временам.

Когда Эфира подтянулась и села на край дымохода, над ней навис Илья.

– Ты не спешила, – заметил он, пока она поднималась на ноги. – Это семейная черта? Я торчу тут уже многие часы.

Если бы она могла заставить его ждать еще дольше. Эфира стряхнула пепел со штанов, чтобы не смотреть, как лунный свет падает на аристократическое лицо Ильи, как морской бриз запускает пальцы в его светлые волосы. Даже сейчас, с раздраженным выражением лица, он все еще был невероятно красив.

Коротко кивнув, она отвела его к тому месту, где их скроет от глаз фронтон, если кто-то вдруг поднимет взгляд на крышу.

К сожалению, укрытие заставило их встать близко друг к другу. Ближе, чем хотелось бы Эфире, и достаточно близко, чтобы она почувствовала исходящий от него жар.

– Рассказывай, – велела она. Чем быстрее он объяснит свои действия, тем быстрее она сможет уйти.

– Я придумал, как тебе отсюда выбраться.

Она непонимающе уставилась на него:

– Что?

– Точнее, мы придумали, – исправился он. – Беру и я. Все мысли в голове Эфиры застыли.

– Моя сестра Беру?

Илья закатил глаза:

– Очевидно.

– И зачем ты разрабатывал план вместе с ней? Зачем вообще с ней говорил? Ты... держись от нее подальше, или я...

Она не заметила, как встала впрытык к Илье, пока он не схватил ее за запястье, заставив замереть. Ее пульс колотился под его пальцем, и она ощущала его дыхание щекой.

Кажется, он этого не заметил.

– Ты и правда думаешь, что я угроза для девушки, внутри которой заточен всемогущий бог? Должно быть, ты высокого мнения о моих способностях.

Эфира вырвала руку из его хватки и одарила его гневным взглядом:

– Не говори о своих способностях и моей сестре в одном предложении. Вообще-то лучше совсем не говори о моей сестре или с ней снова.

Он возмущенно фыркнул:

– Она переживает за тебя.

Сама мысль, что Беру доверилась Илье, так разозлила Эфиру, что ей пришлось взять себя в руки, чтобы не столкнуться его с крыши.

– Слушай, у нас мало времени, – Илья серьезно глянул на нее. – Ты должна согласиться на предложение Иерофана. Если согласишься, я смогу тебя вытащить.

Все встало на свои места. Вот что ему от нее надо.

Ее подозрения были ненапрасными. Должно быть, у Палласа закончилось терпение. Часть Эфиры чувствовала облегчение, что Илья снова пытается обмануть ее. По крайней ме-

ре, в этот раз она разгадала его намерения.

– Ну да, конечно. – Она резко развернулась и направилась к дымоходу.

– Ты мне не веришь, да? – Он последовал за ней.

– Ты когда-нибудь устаешь задавать мне этот вопрос? – резко ответила она.

– Если хочешь вернуться в комнату, чтобы сидеть там, совершенно бесполезная, то валяй, – крикнул ей Илья. – Но я говорю тебе правду.

Эфира остановилась.

– Тогда докажи. – Она повернулась к нему. – Отведи меня к Беру.

Ветерок промчался мимо них, играя с кудрявыми локонами Эфиры и краями пальто Ильи. Тени на его лице сместились, и он опустил взгляд.

– Не могу, – наконец произнес он. – Слишком опасно.

– Так я и думала, – сказала Эфира. – Ты только говоришь, но как только возникает настоящий риск, когда тебе действительно придется поставить себя на линию огня...

– Я имел в виду опасно для тебя, – прервал ее Илья. – И для нее.

– Ну конечно, – ответила Эфира, разворачиваясь и перекидывая ногу через край дымохода.

– Зачем же ты поднялась сюда, если считаешь, что я вру? – спросил он. – Если не веришь даже в малейший шанс, что я на твоей стороне?

«Потому что я идиотка», – с горечью подумала девушка. Потому что она все еще помнила, как целовала его и как это было приятно. Помнила те недели, когда только он ее не бросил. И даже после того, как он украл у нее Чашу, ей все равно хотелось его спасти. Даже сейчас, даже после очередного предательства, ей хотелось верить, что пережитое вместе что-то для него значило. Что она что-то для него значила.

Но Эфира предпочла бы оказаться в ловушке собственной комнаты до конца жизни, чем признать это. Поэтому она не ответила, просто спустилась в дымоход, оставив Илью на крыше одного.

* * *

Эфира не рискнула подняться на крышу следующей ночью: вдруг Илья снова будет там. Она осталась в комнате, злясь и яростно обдумывая все, что он ей сказал. Допустила ли она ошибку, когда ушла? Упустила ли свой единственный шанс спасти себя и Беру от Палласа?

Внезапно дверь в комнату Эфиры распахнулась, прерывая ее хаотичные мысли. Она вскочила на ноги, когда внутрь вошла свидетельница.

– Идем, – сказала женщина с каменным лицом. – Тебя позвали.

Время было поздним для визита к Иерофану, но опять же никто не знал, спит ли он вообще. Эфира решила, что

он жаждет услышать ее ответ. Возможно, он посчитал, что может застать ее врасплох, запугать и заставить согласиться стать его палачом.

Часть ее сомневалась: может, он прав?

Они обогнули угол, и сердце Эфиры ухнуло вниз, когда она заметила Илью в дверях впереди.

– Я отведу ее, – сказал он свидетельнице.

Та колебалась.

– Поверь мне, – сказал Илья. – Ты не хочешь беспокоить его прямо сейчас.

Свидетельница неохотно передала ему Эфиру и развернулась. Эфира подождала, пока та не удалится на порядочное расстояние, прежде чем развернуться к Илье.

– Что ты делаешь? – требовательно спросила она.

– Секунду, – ответил он, взял ее за запястье и потащил по коридору за собой.

Слишком ошарашенная, чтобы что-то предпринять, Эфира последовала за ним:

– Иерофан не призывал меня, не так ли?

– Конечно нет, – ответил он, распахнув дверь, ведущую во двор. – Мне просто нужно было поговорить наедине. А это оказался самый реальный вариант.

Эфира сказала себе, что это ночной ветерок заставил ее вздрогнуть. Ее запястье, зажатое в длинных пальцах Ильи, согрелось.

– Что это, твое представление о романтической прогулке

в лунном свете?

Илья глянул на нее с едва заметной усмешкой и потащил к укрытию между высоким кустом и стеной.

– Пришли.

– Ты скажешь мне, зачем только что пихнул меня в кусты? – спросила Эфира, облачаясь о стену.

– Подожди секунду, – ответил он.

Она услышала шум льющейся воды из одной из комнат над кустами, а потом открылось окно.

Эфира вздрогнула, уверенная, что их сейчас поймают, но Илья казался совсем не обеспокоенным.

– Благодарю от всего сердца за то, что хоть раз в жизни ты пунктуальна, – весело заметил Илья.

Беру спрыгнула на землю между ними.

– Прости, что нарушаю твой загруженный график острых поддевок и... Эфира?

Эфира глянула, моргая, на сестру, которая казалась не менее шокированной.

Беру пришла в себя первой, бросилась к Эфире и обняла ее.

– Ты в порядке!

– Оставляю вас, – сказал Илья.

Эфира слышала, как он отошел, но видела только сестру и чувствовала ее крепкую хватку.

– Я так волновалась, – сказала Беру, спрятав лицо на плече сестры. – Я не знала, почему они перестали давать нам

видеться. И понятия не имела, что они с тобой делают. А потом Илья обо всем рассказал мне.

– Илья, – повторила Эфира, отстраняясь. – Вы и правда работаете вместе?

Беру кивнула.

– Почему? Как?

– Это сложно объяснить, – призналась Беру. – Знаю, ты думаешь, что тебе нельзя ему верить...

– Потому что нельзя! – воскликнула Эфира. – Нам нельзя. Беру, ты не знаешь его так, как я.

– Возможно, – согласилась Беру. – Признаю, сначала я скептически относилась к его мотивам. Но...

– Но ничто, – сказала Эфира. – Что бы он ни сказал, чтобы завоевать твое доверие, это ложь.

– Он ничего не говорил, – ответила Беру. – Он многим рискнул, просто увидевшись со мной. Приведя тебя сюда. И если ты не можешь доверять ему, то поверь, по крайней, мне. У нас есть план, как вытащить тебя отсюда.

– Вытащить меня отсюда? – повторила Эфира, не веря свои ушам. – Беру, я... я не могу уйти без тебя.

– Ты должна, – твердо сказала ее сестра. – Эфира, разве ты не понимаешь? Если ты сбежишь, Иерофан больше не сможет использовать тебя против меня.

Эфира не была глупой и понимала, что слова Беру не лишены смысла. Но от одной только мысли о том, чтобы уйти без сестры, ей хотелось сжечь всю цитадель до основания.

– Я не уйду без тебя, – сказала она. – Или мы выберемся вместе, или я останусь.

Беру отвернулась, и на ее лице появилось отчаяние.

– Ты должна была отпустить меня, – ее голос дрогнул. – Почему ты просто не могла меня отпустить?

Она говорила про Алые врата? Или про тот момент, после убийства Гектора? Или, может, про первый раз, в Медее, когда Эфира очнулась и нашла Беру мертвую рядом с собой?

– Послушай меня. – Эфира схватила сестру за плечи. – Я никогда не брошу тебя. Никогда.

Беру дрожала в объятиях Эфиры, из их глаз, наконец, полились слезы.

– Мы найдем выход, хорошо? – сказала Эфира. – Мы всегда его находим.

Беру закрыла глаза, и по щекам потекли новые слезы.

– Мне нужно идти. Иначе он заметит, что я ушла.

Эфира понимала, что сестра говорит про свидетеля со шрамами, Лазароса. Она сглотнула и крепко обняла Беру, не зная, когда они снова увидятся.

Беру медленно высвободилась и вытерла глаза:

– Пожалуйста, хотя бы обдумай мой план. Пожалуйста.

Она удержала взгляд Эфиры, ее ясные глаза блестели от слез, но Эфира ответила молчанием. Горько покачав головой, Беру развернулась и залезла в открытое окно.

Эфира закрыла глаза, вздрогнув от звука захлопнувшегося окна. Она оставалась в укрытии за кустами еще мгнове-

ние, после чего вытерла глаза и вышла во двор. Илья ждал ее на другой стороне, облокотившись о колонну со скрещенными на груди руками.

– Итак? – спросил он, когда она подошла. – Теперь ты мне веришь?

Эфира не ответила и вошла в двери, которые вели внутрь. Он пошел рядом с ней по коридору, ведущему в ее комнату.

Илья сделал то, о чем она просила. Отвел ее к Беру. И по какой-то причине Беру была удивительно уверена в его намерениях. Так сильно, что это смогло поколебать сомнения Эфиры.

Из них двоих Беру всегда лучше понимала людей. В то время как Эфира первым делом видела в них самое худшее, Беру оценивала всех разумно. Она видела в людях хорошее или скорее видела о них правду, их намерения, что ими руководило.

Взрослея, Эфира всегда позволяла действовать Беру, когда речь шла об общении с людьми. В ночь, когда она привела Антона в их убежище в Паллас Атосе столько месяцев назад, именно Беру убедила его помочь им.

Возможно, каким-то образом она убедила и Илью. Возможно, она поняла, как завоевать его. Илью соблазняла власть, а Беру теперь была могущественной. Могущественнее Палласа. Могущественнее Эфиры.

– Почему ты просил меня согласиться стать палачом Палласа? – спросила она вместо того, чтобы отвечать на вопрос

Ильи.

Его удивили ее слова. Вместо того чтобы ответить, он протянул руку и коснулся одного из наручников.

И она поняла. Если она скажет да, если согласится стать палачом Палласа, то иногда, на какое-то мгновение, ему придется снимать с нее наручники. Она сможет использовать силу.

– Я не могу убить его, – сказала Эфира. – Палласа. Если убью его, то печать падет, и Беру...

– Знаю, – ответил Илья, – у меня была другая идея.

– У тебя правда есть план? – осторожно спросила Эфира. – Способ вывести меня отсюда?

Он кивнул. Его золотистые глаза не отрывались от нее, а рука все еще касалась ее наручника, но не кожи под ним.

Она сделала вдох.

– Тогда я скажу да. Когда Паллас снова призовет меня, я соглашусь стать его палачом. Но твой план... ты должен вывести отсюда и меня, и Беру. Иначе я не согласна.

Она ожидала, что он начнет протестовать, спорить и говорить ей, что это невозможно, что это слишком опасно. Но он просто убрал руку и опустил голову, словно этого и ожидал:

– Ладно.

Они дошли до двери в комнату Эфиры, но вместо того, чтобы открыть ее, Эфира развернулась к Илье:

– Что она тебе предложила?

– Что?

– Ты бы не стал рисковать просто так, – сказала она. – Если награды нет. Так что это? Что она тебе пообещала?

Его кадык дернулся, когда он сглотнул, а глаза потемнели от чего-то, похожего на вину или сожаление.

– Дар, да? – медленно произнесла она. – Она отдаст тебе чей-то Дар, если ты это сделаешь.

Его челюсти напряглись.

– Спокойной ночи, Эфира.

Он развернулся и оставил ее стоять в дверях одну.

7. Антон

Сон пришел к Антону разрозненными кусочками.

Джуд на коленях в незнакомой комнате, его лицо – смесь синяков и свежих порезов.

Резкий запах крови и громкий, быстрый ритм дыхания, вырывающегося из легких Джуда.

И голос, шуршащий в воздухе, словно ветер в мертвых листьях.

– Где пророк?

Джуд не ответил. Кто-то ударил его по лицу, и шея Джуда дернулась в сторону. Он непокорно поднял взгляд, несмотря на текущую из уголка губ кровь.

– Я готов убить тебя, если ты не дашь мне желаемого, капитан Везерборн, – тот же голос, но теперь полный насмешки. – Где пророк?

Антон проснулся в клубке простыней и с рубашкой, прилипшей к спине из-за холодного пота.

Вскочив на ноги, он скинул простыни. Казалось, что комната кружится вокруг него. Он стоял мгновение, моргая в темноте, а потом вспомнил, что находится на корабле Страницы. Антон покачнулся, чувствуя, что его сейчас стошнит.

Воздух. Ему нужен воздух.

Он распахнул дверь каюты и поковылял по коридору.

– Антон?

За его спиной мигнул свет, и Антон повернулся к Странице, открывшей дверь собственной каюты. Она стояла в тонкой хлопковой ночнушке, волосы были заплетены в простую косу, перекинутую на одно плечо, и сейчас больше походила на человека, чем когда-либо раньше.

– Что случилось? – спросила она.

Он провел рукой по лицу:

– Кошмар.

Сон цеплялся за него, словно холодные пальцы трупа, и волосы на затылке встали дыбом. Это не было похоже на кошмар. Не на обычный. Этот сон казался... настоящим.

Антон сделал вдох, пытаясь успокоиться, и спросил:

– Как узнать, что сон, а что – видение?

Взгляд ее темных глаз встретился с его:

– Думаешь, у тебя было видение.

Он кивнул:

– Это уже случалось раньше. Мне снился Иерофан в ту ночь, когда ты велела мне отправиться в Эндаррион. Но это был не сон. И сейчас, кажется, тоже.

– Что случилось?

К горлу подкатила желчь при воспоминании об окровавленном лице Джуда.

– Джуд, с ним что-то не так. Он ранен. Я видел... там была кровь, и его допрашивали. Они искали меня.

Антон моргнул, и через секунду Страница оказалась рядом с ним, поддерживая.

– Тебе нужно дышать, – успокаивающе произнесла она.

Уже давно паника не охватывала его с такой силой, но он узнал ее симптомы и хватал ртом воздух.

– Просто сосредоточься на мне, – сказала она. – На моем голосе. Можешь считать вдохи?

Антон кивнул, но его разум был поглощен ужасом сна, бледным, окровавленным лицом Джуда.

– Давай, – сказала Странница, прижимая его ближе к себе и помогая подняться по лестнице. – Пойдем подышим воздухом.

Они поднялись на главную палубу и оказавшись на открытом пространстве, Антон закрыл глаза и ощутил, как его обдувает ветер. Он сделал глубокий вдох и выдох, прижав пальцы к горлу под подбородком, чтобы почувствовать пульс. Он считал каждый удар, продолжая дышать, пока не почувствовал, что достаточно успокоился, чтобы снова открыть глаза.

– Расскажешь мне, что случилось? – спросила Странница. – Или покажешь?

Он покачал головой. Видение это было или сон, он был не в силах снова окунуться в него. Придется рассказать ей:

– Я видел, как Джуда пытаются. Не знаю, происходит ли это прямо сейчас, или еще произойдет, или...

Или это уже случилось, и Антон опоздал.

Нет. Это невозможно. Он был почувствовал, что Джуда больше нет. Почувствовал бы.

– Ты сказал, что хочешь держаться подальше от него. – Она первой это предложила, но в итоге позволила Антону принимать решение. И он сделал свой выбор, отправился в Керамейкос без него. Решил не впутывать Джуда, чтобы защитить его.

Но если Джуд уже в опасности, то Антон выбрал одиночество и тоску напрасно.

Юноша встретился с ней взглядом:

– Мне нужно узнать, в порядке ли он.

– Тебе нужно беречь силы, – мягко возразила женщина. – Я могу поискать его для тебя.

– Нет, – быстро ответил он. – То есть... это должен сделать я. Мне нужно быть уверенным.

Странница напряженно улыбнулась ему, и он знал – она понимает. Дело не в недоверии. Просто единственный способ успокоить дрожь в костях – почувствовать эшу Джуда в безопасности самому.

Он закрыл глаза и призвал свой Дар, отправляя его волнами так, как мечтал сделать уже два месяца, в поисках той бурной эши, которая была так же знакома ему, как и его собственная.

Антон почувствовал прикосновение Дара, которое ни с чем не спутаешь. Словно маяк света в его разуме. Он не позволял себе обращаться к нему много месяцев, но это давалось ему так же легко, как дыхание.

Он сосредоточился на ощущении эши Джуда, используя

свой Дар, чтобы взглянуть сквозь бесконечные, сложные узоры энергии, составляющей мир, и превратить ее в картинку, которую его мозг смог бы интерпретировать так, словно он на самом деле видит Джуда перед собой.

Он оказался в знакомой комнате и через мгновение понял, почему узнал обстановку. Она походила на ту камеру в цитадели Паллас Атоса, где его ночь продержали в заключении.

Джуд сидел возле стены с закрытыми глазами. Он был настоящим и ярким, таким же, как когда Антон входил в его сны. Возможно, даже более реальным. И его лицо было нетронутым, никаких синяков и порезов. Антону хотелось протянуть к нему руки и разгладить морщинку, которая прорезала его лоб даже во сне.

Но когда он сделал шаг вперед, изображение мигнуло и исчезло.

Антон открыл глаза.

– Что ты видел? – спросила взволнованная Странница, в ее голосе слышалась тревога.

– Он... – Антон сглотнул. – Он пленник в Паллас Атосе. В цитадели. Я не... Что он там делает?

Лицо Странницы потемнело.

– Он у Палласа.

В ее голосе прозвучала такая уверенность, словно она понимала то, что было неизвестно Антону.

Но Джуд ведь должен был находиться в безопасности, а не

в Паллас Атосе.

Была только одна причина, почему он отправился туда.

– Он, должно быть, пытался спасти Беру, – сказал Антон. – Лишить Палласа контроля над богом.

Он глянул на Страницу, но та избегала встречаться с ним взглядом. И тут ему вспомнились ее слова.

Этим занимаются мои лучшие люди.

Не Потерянная Роза. Джуд.

– Ты это сделала, – не веря своим догадкам, произнес Антон. – Ты отправила его в Паллас Атос.

– Нет, – ответила она. – Я никуда его не отправляла. Он уже сам собирался туда ехать. Я просто предложила помощь.

Антон отошел от нее, чувствуя, как внутри бушуют чувство предательства и ужас.

– Как ты могла? Как ты могла так поступить и скрыть это от меня?

– Потому что знала, что ты отреагируешь вот так, – ее голос был полон тревоги. – Ты должен выполнить свою миссию. Свой план. Который сам придумал. Или мне нужно тебе об этом напоминать?

– Его могут убить из-за тебя! – в ярости воскликнул Антон. – И если бы я не увидел это во сне, то вообще бы не узнал. Если ты гадала – вот почему я тебе не доверяю. Вот почему так долго не позволял тебе учить меня использовать Дар. Потому что ты всегда, всегда играешь в собственную игру. Меня это достало.

Она сощурил темные глаза, блестящие, как сталь.

– Я пыталась облегчить тебе задачу. Вам обоим. Я не могла помешать Джуду отправиться в Паллас Атос, поэтому помогла ему. И да, не рассказала об этом тебе. Но, узнай все, что бы ты сделал?

– Остановил бы его, – прорычал Антон. – Я остановлю его.

– Ты отправишься к нему? – спросила Странница. – И что потом? Он не отступит после этого. Да и ты не сможешь уйти.

Антон смотрел на нее с яростью, в то время как гнев и беспомощность бунтовали в его груди. Она была права. Он знал, что он права, и из-за этого злился лишь сильнее.

– Возможно, это изначально была ошибка. Может, он нужен мне, чтобы справиться. Со всем.

– Ты расскажешь ему правду?

Он сжал челюсти. Странница знала, что делает, испытывая его. Антон не мог сказать Джуду правду. Вот почему ему следовало держаться от него подальше. Но это не защитило Джуда, так что остался только один вариант. Найти его. Спассти.

Солгать ему.

– Я должен туда отправиться, – в отчаянии сказал он Страннице. – Должен помочь ему. Ты знаешь, что это так.

Антон поджал губы, а сердце колотилось под ее оценивающим взглядом. Что ему делать, если она откажет? Если настает, что он должен игнорировать видение, опустошающий

страх внутри и придерживаться плана?

Он не знал. И не хотел узнавать.

– Нам понадобится план, – наконец сказала она.

Внутри него разрослось облегчение, такое сильное, что его практически не пугала предстоящая им задача.

– План. Точно.

Им придется понять, как проникнуть в цитадель. Антон мало что помнил о своем визите туда, когда их с Эфирой схватили якобы за ограбление храма. Он оставался там недолго, но это было ужасно: холодная ночь, всеохватывающий страх, – пока не пришел Гектор и не предложил ему выход из положения.

И теперь Антон понимал, что это предложение изменило его жизнь. Привело его к Джуду.

– Стражники верны Палласу, – сказала Странница. – Не уверена, что сработает простая взятка.

Антон фыркнул. Скорее всего именно благодаря взятке Илья проскочил мимо стражи, чтобы освободить Эфиру.

Эта мысль ударила по нему, и Антону пришлось опереться о фальшборт.

– О нет, – вслух произнес он. – О нет. Кажется, у меня возникла по-настоящему ужасная идея.

Странница посмотрела на него с любопытством.

– Но это может сработать, – он встретился с ней взглядом и просто сказал: – Илья.

Она обдумала его слова.

– Зачем ему помогать тебе?

– Может, он и не станет, – признал Антон. – Вот почему я назвал это ужасной идеей. Но он оппортунист. Помнишь, как в Бехезде он отдал Чашу Королю Некроманту? Он был рад выступить против Палласа за хорошую цену. И сейчас вряд процветает среди свидетелей.

– А это может значить, что он воспользуется тобой как валютой, – сказала Странница. – Отдаст тебя Палласу и вернет его расположение.

– Это риск, – согласился Антон. – Но это единственная моя идея. Тебе необязательно присоединяться ко мне. Когда мы прибудем в Паллас Атос, ты можешь подождать на корабле. Если твои опасения подтвердятся, я не хочу, чтобы ты рисковала, встретившись с Палласом.

Странница отвернулась, рассматривая черное море вокруг них.

– Ты считаешь меня такой трусихой? – в вопросе не было яда или упрека. Скорее она хотела услышать честный ответ.

– Нет, – сказал Антон, – но ты показала мне, что он с тобой сделал. И, будь это в моей власти, я бы постарался держать тебя подальше от него.

– Если до этого дойдет, – возразила она. – Я не боюсь. Возможно, пришло время мне с ним встретиться.

Прошлое

– Как ты нас нашел?

Паллас Верный стоял перед Ананки на пороге хижины на краю мира.

– Было нелегко, – ответил он. – На это ушла почти вся моя сила.

Он и на самом деле выглядел истощенным.

– Можно войти?

Ананки не сдвинулась с места.

– Я пришел не вредить тебе, – сказал Паллас. – Как и твоей возлюбленной.

– Тогда зачем?

– Извиниться, – ответил он.

– Я тебе не верю.

Паллас вздохнул:

– Уверен, ты видела, какое разрушение обрушил на мир бог после твоего неповиновения.

– Конечно, видела, – сказала Ананки. – Я вижу это каждую ночь, когда закрываю глаза.

– Вина не только на твоих плечах, Ананки, – сказал Паллас. – Это я выбрал в качестве жертвы Темару. Я хотел испытать твою веру, и нужно было догадаться, что ты провалишь проверку.

– Если ты пришел, чтобы сказать мне это, – заметила

Ананки, – то можешь уходить. Ты заявляешь, что знаешь, что такое вера, но это не так. Ты был первым из пророков создателя, но тебя ему не хватило, так ведь? Святой решил создать еще шестерых, чтобы исправить твои промахи. А теперь ты приходишь сюда и проповедуешь мне веру?

Паллас смотрел на ее пронзительными голубыми глазами.

– Возможно, мой приход сюда – ошибка.

– Возможно, – согласилась Ананки и сделала шаг, чтобы закрыть дверь.

– Я не должен был проверять твою веру, требуя жертвоприношения Темары, – сказал Паллас, остановив дверь.

Что-то в его тоне заставило ее замереть.

– У меня было много времени, чтобы обдумать, что ты сделала, – продолжил он. – Почему ты это сделала. Интересно, требовал ли справедливый бог жертвы? Если создатель сотворил нас с любовью в сердце, то почему попросил предать эту любовь?

– Я никогда не считала, что создатель справедлив, – ответила Ананки.

– Тогда, возможно, пришло время миру получить правителей, – сказал Паллас. – Верных правителей. Мудрых. Милосердных. Храбрых правителей.

– К чему ты ведешь? – спросила она.

– Нам нужна твоя помощь, Ананки.

8. Хассан

Хассан и Гектор в последний раз прошлись по пунктам своего плана, доедая остатки запасов еды в бывшей гостиной Хассана.

Вилла Летии стояла брошенная после ее возвращения в Назиру и стала их штаб-квартирой в Паллас Атосе. Казалось, что, уезжая, Летия уже не собиралась возвращаться: мебель и личные вещи исчезли, а полки библиотеки опустели. Тут не осталось слуг, чтобы поддерживать порядок, и за последние три месяца сады начали высыхать и зарастать сорняками.

– Пришло время одеваться, – сказал Хассан, когда они закончили завтракать. Он бросил Гектору форму кадета караульных и исчез в своей старой гардеробной.

Форму им выдал союзник Потерянной Розы, бывший капитан караульных. Он сразу подал в отставку, как только Иерофан пришел к власти, и во многом их план полагался на старика и предложенную им информацию. Гектор и Джуд однажды уже бывали в цитадели Паллас Атоса, но их знания были ограничены. И бывшего капитана они тоже уже встречали, когда стража паладинов прибыла в Паллас Атос.

– Честно, я практически уверен, что мы ему не понравились, – отозвался Гектор об их встрече.

– Кажется, ему вообще мало что нравится, – добавил

Джуд. – Ни мы, ни Орден и уж точно не конклав священников.

И, кажется, трое юношей ему тоже не понравились, когда они встретились неделю назад на вилле Летию.

– Это вы, что ли, должны все исправить? – спросил он тогда голосом, сочащимся скепсисом.

Гектор готов был ответить нецензурно, потому Хассан быстро его прервал.

– А вы видите других желающих спасти этот город? – спросил он и наградил капитана властным взглядом.

Капитан караульных перевел взгляд с Хассана на Джуда, а потом снова на принца и наконец вскинул руки.

– Ну, думаю, вы уже вряд ли сделаете хуже.

Он много часов описывал им план здания и ежедневную жизнь цитадели. Казнь Архона, по его словам, проведут в амфитеатре на краю обрыва, который был виден из башни пленников. Вот там и должна находиться Беру.

Гектор предложил пройти на казнь вместе со зрителями, но капитан караульных забраковал эту идею. Казнь не предназначалась для глаз публики – присутствовать будут только священники и другие лидеры города. Чтобы напомнить им о том, что они последуют за Архоном, если не подчинятся Палласу.

– Всех присутствующих выберет сам Паллас, – сказал капитан. – Так что смешаться с толпой не получится.

– А как насчет способа проникнуть внутрь? – спросил

Джуд. – Тайного входа или вроде того?

– Существует только один проход – через главные ворота. А пытаясь проникнуть тайно, вы лишь привлечете внимание. Особенно ты, – добавил капитан, бросив взгляд на Хассана. – Ты очень узнаваемый.

Именно эти слова подарили Хассану идею. Если бы при попытке проникнуть внутрь кто-то узнал в нем принца, то все прикрытие рухнуло бы.

Только если, конечно, не использовать титул принца Херата в качестве прикрытия.

– Ох, – вырвалось у Гектора, когда Хассан вышел из гардеробной в идеально скроенном кафтане из изумрудной парчи с золотыми нитями и рядом мерцающих пуговиц. Серебряный кушак и тонкая золотая цепочка на шее довершали образ. Он выглядел, как и подобает избалованному принцу.

– Что? – ворчливо спросил Хассан.

– Не обижайся, но из-за этого наряда мне хочется тебя стукнуть, – ответил Гектор. В голубой форме, украшенной белым оливковым деревом, он сам походил на кадета караульных.

– Так и должно быть, – заметил Хассан, оценив эту идею.

– Что? – Гектор казался обескураженным.

– Ну, должно казаться, что я подрался, – настаивал Хассан и поднял подбородок. – Давай, ударь меня.

Гектору явно было не по себе.

– Ну ладно. Но помни, что это ты попросил.

– Просто ударь меня... – прежде чем Хассан успел понять, что происходит, кулак Гектора врезался в его лицо. Принц произвольно вскрикнул от боли.

– Ох, кажется, было больно.

– Ты ударил сильнее, чем нужно. – Хассан сердито глянул на друга и поднес руку к кровоточащей губе. – Милосердие Бехезды.

– Прости.

– Ты так же сильно ударил и Джуда? – спросил Хассан, вытирая кровь.

– Он не просил меня, – ответил Гектор, словно защищаясь, и по его лицу пробежала тень тревоги.

Хассан сжал плечо Гектора в попытке его успокоить.

– С Джудом все будет хорошо. Если мы будем придерживаться плана.

– Знаю. Но сложно не представлять его в камере, одного.

– Ага, и нас ждет та же судьба, если этот план провалится, так что подожди пока волноваться.

– Дело не только в этом, – признался Гектор. – Еще... я снова увижу Бери. Спустя столько времени.

Хассан понял. Он почувствовал укол боли, представив, как бы чувствовал себя, зная, что встретится с Кхепри лицом к лицу впервые за два месяца. Без сомнения, он бы нервничал даже больше, чем Гектор сейчас.

Но существовала и другая причина переживать из-за встречи с Бери: они понятия не имели, в каком состоянии

ее найдут. Насколько силен ее контроль над богом? Хассан все еще помнил, с каким ужасом наблюдал, как рушится весь город Бехезда по воле бога. Казалось невозможным, что девушка может контролировать всю эту силу. И даже если бы сегодня все прошло гладко, даже если бы им удалось вырвать Беру и бога внутри нее из лап Иерофана, что тогда?

Нужно разбираться с одной проблемой за раз, решил Хассан. Сначала нужно спасти девушку.

Они покинули виллу и спустились по дороге на второй уровень Верхнего города. Даже отсюда было видно цитадель, расположенную высоко на утесах над морем. Где-то за этими высокими, белыми стенами находился Иерофан. Кровь Хассана начинала закипать только от одной мысли о нем.

Как только перед ними появились высокие ворота из известняка, Хассан протянул руки, и Гектор сковал их.

– Наверное, это самый дурацкий поступок за всю мою жизнь.

– А в моем списке он даже не в первой пятерке, – заверил его Хассан.

На губах Гектора появилась улыбка, но потом он посуровел и, схватив Хассана за рубашку, повел его по длинной эспланаде, по бокам которой стояли большие колонны и оливы с серебристыми листьями. Они уже находились шагах в ста от ворот, когда к ним подошли два караульных.

– Кадет! – окликнул Гектора старший из них. – Что ты делаешь за стенами? Кто это?

– Сэр, – почтительно произнес Гектор. – Приношу свои извинения. Я патрулировал периметр, когда заметил, что этот мальчишка пытается перелезть через стену.

Хассан задержал дыхание, когда два караульных подошли поближе.

– Ну хорошо, – произнес старший. – Отведи его в камеру временного содержания.

– Сэр, – сказал Гектор и, схватив Хассана, повернул его лицо к караульным. Хассан сделал вид, что борется с ним. – Думаю, вам нужно сообщить об этом пророку. Лично.

Дозорный постарше, сощурившись, глянул на Хассана, а потом его глаза широко распахнулись от шока.

– Не... не может быть.

– Я тоже сначала сомневался, – сказал Гектор. – Но вы только посмотрите на него. Ошибки быть не может.

– Пошел ты, – сплюнул Хассан, пытаясь высвободиться. Он резко дернул головой назад, двинув Гектору в челюсть, и тот закричал от боли, но лишь сильнее сжал плечо друга, словно предупреждая. Хассан не переживал, потому что это лишь поможет их спектаклю, и Гектор заслужил месть за удар, который нанес чуть раньше.

– Не трать силы, – рявкнул Гектор. Второй караульный был помладше и пребывал в замешательстве.

– Ставрос, – рявкнул первый караульный. – Ступай к пророку. Скажи ему, что мы поймали принца Херата.

Молодой караульный удивленно глянул на них и быстро

пошел прочь.

– Кадет, – командным голосом произнес старший мужчина. – Почему бы тебе не передать пленника мне?

Рука Гектора чуть сжалась на рубашке Хассана.

– Не уверен, что это хорошая идея, сэр.

Пульс Хассана стучал в горле, пока дозорный осматривал Гектора. Неужели он подозревал, что юноша не тот, кем представился?

– Мы с вами знаем, что пророк захочет узнать, кто его нашел, – продолжил Гектор. – Я не хотел бы, чтобы меня поймали на лжи, а вы?

Старший караульный сощурился, глядя на них.

– Как тебя зовут, кадет?

– Костас, сэр, – ответил Гектор без колебаний.

Мужчина кивнул:

– Ты хороший кадет, Костас. Надежный. Умный. Нам повезло, что ты смог поймать принца по моему приказу.

Он удерживал взгляд Гектора, и тот нехотя кивнул:

– Очень повезло, сэр.

Хассан подавил желание закатить глаза, но его охватило облегчение. Караульный ничего не заподозрил, потому что сам жаждал признания.

У ворот снова появился Ставрос и побежал к ним. Когда оказался рядом, он еле переводил дыхание.

– Сэр, – обратился он к старшему дозорному, – пророк потребовал привести к нему принца незамедлительно. Он ска-

зал, – юноша на мгновение замолк и нервно глянул на Хассана, – сказал, что они готовы начать казнь. И у них есть время на еще одну.

Хассан поборол желание поймать взгляд Гектора, но его охватил холодный страх. Они поставили на тот факт, что Иерофан захочет, чтобы Хассана привели прямо к нему. Но казнь? Она не была частью плана.

– Ну? – Старший дозорный выжидающе глянул на Гектора. – Чего ты ждешь? Пойдем.

– Конечно, сэр, – ответил Гектор с нотками тревоги в голосе.

Хассан сделал неловкий шаг вперед, подталкиваемый Гектором. Старший караульный быстро провел их через ворота.

– Время для еще одной? – прошипел Хассан под нос. – Гектор...

– Молчи, – громко рявкнул Гектор, играя свою роль. Опустив голос, он прошептал: – Мы попадем в амфитеатр. Это ничего не меняет.

Хассан замолчал, но не мог успокоить болезненный страх в животе, когда они вошли в цитадель.

9. Беру

Глаза караульных следили за Беру, пока она шла по центральному двору цитадели.

Лазарос ничего не сказал ей, когда пришел, чтобы увести из комнаты сегодня утром. Он просто подождал, пока слуги оденут ее в белые одеяния, украшенные золотыми и серебряными нитями. Наряд, достойный бога.

Она ждала, что Лазарос снимет ошейник из Божьего огня, который удерживал бога и Беру, и получит доступ к его сдерживаемой силе. Но в этот раз его не сняли.

Ошейник Божьего огня вибрировал, пока они шли через двор по широкой галерее, а потом и по тоннелю, пересекающему сам утес.

– Где Эфира? – спросила Беру. – Просто скажи мне, что ей не причиняют вред.

– Я мог бы сказать так, если хочешь, – тихим шепотом ответил Лазарос. – Но это может оказаться ложью, так в чем смысл?

– Не думаю, что ты станешь мне врать, – сказала Беру. Мгновение он казался удивленным, и она решила продолжить: – У тебя нет семьи? Того, кого ты будешь защищать любой ценой?

Взгляд его серых глаз горел напряжением и пугал.

– У меня были родители.

– Были? – повторила она. – Они умерли?

Снова повисло молчание, пока их шаги тихим эхом отдавались от стен тоннеля, а потом он ответил:

– Мужчина, который зачал меня, и женщина, которая родила меня, все еще живы. Но их сын давно мертв.

Беру поежилась.

– Мы... – Он замолчал и впервые отвел от нее взгляд.

– Что? – резко спросила она.

– Мы похожи, – тихо ответил он. – Я знаю, каково быть разрушенным и превращенным во что-то новое. Что-то чистое.

Она уставилась на него, сглатывая отвращение:

– Вот что ты думаешь? Что я чистая?

Он встретился с ней взглядом светящихся серых глаз.

– Ты сосуд создателя. Это делает тебя святой.

Он был так в этом уверен. Она чуть ли не позавидовала такой вере.

– *Если хочет поклоняться мне, то может сначала освободить меня,* – сказал бог.

Беру проигнорировала его.

– А Иерофан? – спросила она. – Паллас? Он тоже святой?

– Конечно, – быстро ответил Лазарос. – Безупречный...

– Он соврал тебе. Он пророк, – зашипела Беру, зная, что голос и слова были ее, но казалось, что это бог говорит ее устами. – Он убил его... меня. Разве это святость?

Лазарос колебался. Она видела по его лицу, что он не

впервые обдумывает эту мысль. Но, возможно, впервые ее озвучили.

– Это необходимый грех, – наконец произнес Лазарос. – Должна быть тьма, чтобы был и свет.

Она еще мгновение смотрела на него, размышляя, как легко ему подстраивать свою веру так, чтобы оправдать хозяина. Размышляя, что именно внутри него заставило эту идею расти, словно сорняки, погребая под собой все остальное. Убеждение, в котором было что-то каннибалистическое, поедаящее себя, пока не оставалось ничего: ни правды, ни чувств, только Иерофан.

Она никогда этого не поймет.

Тоннель вывел их на вершину амфитеатра, ограниченно-го краем утеса. Внизу волновалось море, наполняя уши Беру ревом волн, разбивающихся о скалы. Амфитеатр был заполнен людьми, и по изысканным одеждам она догадалась, что это конклав священников, а также здесь находилась группа караульных в голубой форме и небольшой отряд мечников в темно-синих плащах.

Паллас приветствовал Беру и Лазароса на сцене амфитеатра. Он казался повелителем в бело-золотом одеянии, светящимся маяком на фоне серого моря за утесом. Рядом с ним на ноги встала Эфира, напряженная, словно пружина, и не сводила взгляда с Беру.

Сердце девушки ухнуло вниз.

Значит, она это сделала. Эфира согласилась стать палачом

на службе Палласа. Беру окинула взглядом сцену в поисках Ильи. Она не видела его с тех пор, как он устроил им встречу во дворе, и понятия не имела, удалось ли ему убедить Эфиру следовать их плану, или недоверие сестры и отказ покидать Беру означали, что их план провалился, так и не начавшись.

Но Эфира дала свое согласие Палласу. Зачем же ей соглашаться, если не ради спасения?

Предательская часть ее вспомнила, что Эфира и раньше выбирала этот путь. В Бехезде она решила снова стать Бледной Рукой, но Беру не позволяла себе слишком много размышлять о том, почему Эфира приняла такое решение. Возможно, чтобы не думать о том, что какой-то части Эфиры могла нравиться эта роль.

Ветер ударил по Беру, когда она встала рядом с Палласом и взглянула на известняковые стены цитадели, нависшей над ними. Башня узников выделялась на фоне серого неба.

– Выведите пленника, – сказал Паллас, и его голос разнесся по сцене. Группа свидетелей спустилась со своих мест, таща человека в цепях. Он сопротивлялся, но они поставили его на колени.

Из груди Беру вырвался вздох, когда она узнала пленника.

– Илья Алиев, – произнес Паллас, хватая юношу за подбородок костлявыми пальцами, чтобы собравшиеся могли увидеть его лицо. – Возможно, вы не узнаете этого человека, но когда-то он поклялся мне в верности. А потом предал ради собственной выгоды. Пусть будет всем известно, что я, Пал-

лас Верный, способен распознать обман и ложь каждого из вас. Мне известна правда ваших сердец, и если вы попытаетесь обмануть меня, то закончите, как он.

«Нет», – в панике подумала Беру.

Илья был единственным ее союзником. Единственным шансом вытащить отсюда Эфиру. Как его раскрыли?

Как?

Беру глянула на мрачное лицо Ильи и почувствовала, что пол уходит из-под ног. *Вот что происходит, когда ты доверяешь слабым людям,* – заметил бог.

«Заткнись, – яростно подумала она. – Ты хочешь выбрать-ся не меньше моего».

Беру глянула на Эфиру, чей взгляд был прикован к Илье, но по ее лицу нельзя было ничего понять. Знала ли она? Или так же удивлена, как и Беру?

– Уверен, – сказал Паллас толпе, – что вы все слышали о Бледной Руке смерти.

Среди присутствующих священников раздались перешептывания. Они точно помнили, как один из них пал жертвой ее руки.

Паллас жестом подозвал двух свидетелей, и они подошли к Эфире и сняли с нее наручники. Тем временем он обратился к собравшимся:

– Бледная Рука видит грешных, искореняет гниль нашего общества. Ее правосудие вершится от имени нашего создателя. Она инструмент его суда, Рука Бога. И она решит судь-

бу этих лжецов и изменников.

Паллас повернулся к Эфире:

– Бледная Рука, заberi первую из своих жертв.

Он указал на Илью со спокойным выражением лица. Но Беру знала – это проверка. Должно быть, ему известно что-то об их прошлом, что когда-то Эфира доверяла Илье. И, возможно, делала это снова.

Эфира подошла к Илье с невозмутимым выражением лица.

Все в груди Беру сжалось. Эфира сделает это. Она убьет его – ради Беру. Она чувствовала на себе взгляд Палласа и знала, почему он ее призвал. Это не просто спектакль для священников и караульных. Беру должна была увидеть, на что он способен. Он хотел показать ей, что после всего случившегося из-за нее сестра снова становится убийцей.

Паллас держал и Беру, и Эфиру в своем кулаке, и ни одна из них не могла с этим ничего поделать.

– Не надо, – ахнула Беру, но ветер поглотил ее голос. Она сделала шаг навстречу Эфире. Потом еще один.

Лазарос схватил ее за руку, предупреждая:

– Эфира.

Встав над коленопреклоненным Ильей, Эфира встрети-лась взглядом с Беру на другом конце платформы. Она быстро покачала головой, а потом взяла Илью за горло и закрыла глаза.

Беру задрожала. Она никогда раньше не видела, как сест-

ра убивает, не своими глазами. В те единственные разы, когда она оказывалась рядом, то была слишком слабой, чтобы понять, что происходит. Но тут, на этой платформе над суровым морем, она видела все. Видела, как грудь Эфиры поднялась и опустилась от вдоха, когда она вытянула эшу Ильи из его тела. Как ее рука сжалась на его горле. Видела, как его глаза закрылись, тело обмякло и грудь замерла.

Из горла Беру вырвался крик, и лишь железная хватка Лазароса помешала ей броситься к свалившемуся на другом краю платформы Илье, на коже которого блестел бледный отпечаток руки.

– Нет, – выдохнула она, борясь с Лазаросом. – Нет.

Он был мертв.

Слезы жгли глаза Беру, когда Эфира отступила от тела Ильи. Она чувствовала себя опустошенной, внутри поселился ужас.

Эта жестокая, хладнокровная убийца. Как она может быть ее сестрой? Как Беру это допустила?

На платформе появилась еще одна группа свидетелей с телегой, готовых забрать тело Ильи. Беру наблюдала, как они увозят его, а сердце глухо стучало.

– А теперь, – произнес Паллас, когда они закончили, – пришло время второму грешнику встретиться со своей судьбой.

Свидетели вытащили другого пленника, мужчину постарше, высокого и лысеющего.

Свидетели толкнули его на колени перед Палласом.

– Уверен, вы узнали бывшего лидера этого города, – Паллас нежно коснулся плеча мужчины. – Его правление было отмечено слабостью и жадностью. А когда ваш славный пророк, Паллас Верный, вернулся, этот человек попытался противостоять мне. И за его роль в неповиновении плану создателя он должен теперь умереть.

Лицо Архона исказил чистейший ужас. Эфира смотрела на него безо всяких эмоций.

Беру хотелось спрятать лицо. Она не могла снова на это смотреть, но заставила себя. Эфира превратилась в это прогнившее насквозь существо из-за нее. Ради нее.

Сестра подошла к Архону, в этот раз быстрее. Паллас постарался отойти, но Эфира схватила его за белое одеяние и дернула к себе.

Паллас пошатнулся, и его глаза широко распахнулись от шока, когда она развернулась и схватила его за горло.

Зрители вокруг них ахнули и забормотали в замешательстве. Кто-то даже вскрикнул.

– Что ты делаешь? – требовательно спросил Паллас, и его обычно мягкий голос стал резким и отрывистым.

– Я? – спросила Эфира, сильнее сжимая его горло. – Вершу правосудие во имя создателя, как ты и сказал.

– Остановите ее! – рявкнул Паллас. Его взгляд метнулся к свидетелям, но сам он не отваживался пошевелиться, чтобы она не убила его так же легко, как и Илью.

– Сделайте хоть шаг к нам, и ваш прекрасный маленький пророк умрет, – предупредила Эфира приближающихся свидетелей.

Лазарос, стоявший рядом с Беру, застыл на месте.

– Она этого не сделает. – Паллас заставлял себя говорить спокойно. – Она не рискнет высвободить бога.

– Разве? – Эфира обнажила зубы. – Не уверена, хочешь ли ты проверить.

Паллас словно замер на мгновение, решая считать это блефом или нет.

– *Что она делает?* – требовательно спросил бог. – *Она должна убить его.*

Беру боялась, что так она и сделает. Что это не блеф.

Напряженные свидетели держались неподалеку, дожидаясь других.

– Н-не подходите, – выдохнул наконец Паллас.

– Ты! – Эфира взглянула на Лазароса. – Отпусти Беру.

Паллас дернул головой:

– Делай, как она говорит.

Лазарос отошел от Беру, и на мгновение ей показалось, что она рухнет без его поддержки. Она покачнулась.

– Что ты делаешь? – слабым голосом спросила она. Ветер с воем пронесся над утесом и поглотил их голоса.

– Я же сказала тебе, – объяснила Эфира. – Сказала, что не брошу тебя. Сказала, что найду способ.

Из горла Беру вырвался истерический крик:

– Но это, Эфира?! Илья?! Ты убила его! Что ты...

– Доверься мне, – попросила Эфира. – Как своей сестре, как человеку, к которому ты бежала от своих кошмаров, доверься мне.

Беру могла еще вспомнить времена, когда ее вера в Эфиру была непоколебимой. Безупречной. Когда Эфира была ее старшей сестрой, когда она все исправляла одним своим присутствием.

Когда она потеряла это? Когда впервые при взгляде на сестру, единственного человека в мире, которого на самом деле любила, задумалась, не монстр ли смотрит на нее в ответ?

Теперь она внимательно посмотрела в лицо Эфиры. Отчаянный блеск в ее темных глазах. Шрам, который пересекал левую сторону лица, – напоминание о том, что она сделала с Гектором.

– Беру, – попросила Эфира, – пожалуйста.

Возможно, Эфира была убийцей, может, внутри нее сидел монстр, как и внутри самой Беру.

Но она все еще оставалась ее сестрой.

С мокрыми от слез щеками, Беру кивнула в согласие и бросилась к Эфире.

– Очистите путь! – крикнула Эфира толпе.

Люди расступались перед ними, словно страшась, что Эфира вытянет и их эши, как вытянула эшу Ильи.

К горлу Беру подкатила желчь при мысли о нем, но она

сжала челюсти и подавила ее. Эфира подтолкнула Палласа, своего заложника, чтобы он шел перед ними, и двинулась через платформу. Другую руку она протянула Беру.

– Давай, – сказала она. – Я выведу нас отсюда.

Доверься Эфире. Беру подошла к ней и взяла сестру за руку.

10. Джуд

Джуд подождал до утренней смены стражи, прежде чем взяться за дело. Он провел ужасные четыре дня в башне узников, в одиночестве, и ничто не могло отвлечь его от мыслей. Он так много раз повторил про себя их план, что был уверен – он может рассказать его наизусть без запинки.

Первый шаг – попасть в башню узников – был достаточно легким. Он проник в цитадель в костюме караульного, а потом надел обычную одежду и запер себя в камере. На следующее утро изобразил побег, и его перевели в более охраняемую башню узников.

Джуд мог лишь надеяться, что остальная часть плана пройдет так же гладко. Он держал маленький пузырек, который Гектор спрятал в его ужине в ту же ночь. Внутри плескалась капелька темно-зеленой вязкой жидкости. Алхимик Потерянной Розы сказал, что этого должно быть достаточно.

Отведя руку с пузырьком как можно подальше от тела, Джуд открыл его и брызнул на дальнюю стену камеры. Жидкость тут же начала проедать камень, пока не образовалась дыра шириной в руку, через которую теперь виднелось серое небо. Края дыры слегка дымились.

Джуд разложил тонкое одеяло, которое ему тут дали, и выглянул из отверстия. Его камера располагалась на той стороне башни, которая не выходила на амфитеатр, где должна

была сейчас находиться Беру. Он видел лишь океан, накаты-
вающий на утес в сотне футов внизу.

Он вспомнил, как оказался на вершине маяка Назиры с
Антоном и последующее падение с высоты в море.

Джуд отмахнулся от воспоминания, перекинул ноги через
край и стал спускаться по внешней стене башни. Камни ста-
новились хорошей опорой для ног, и благодаря подкреплен-
ной Даром силе и балансу он легко обошел башню по кругу,
несмотря на ветер, замораживающий его пальцы.

Добравшись до другой стороны башни, он наконец уви-
дел амфитеатр, наполненный сотнями маленьких фигурок,
слишком маленьких, чтобы разобрать, кто есть кто. Паладин
начал спускаться и остановился на половине башни, где кам-
ни были отмечены краской. Он нажал ладонью на один из
них, и тот слегка сдвинулся. Джуд надавил до конца и про-
ник в открывшееся отверстие.

Он оказался в еще одной камере, пустой, не считая остав-
ленных там Гектором вещей. Джуд переоделся в грубую
одежду, которую оставил ему друг, и пристегнул один меч
к поясу, а другой убрал на спину. Ему хотелось почувство-
вать знакомую тяжесть Остроконечного Клинка, но он поте-
рял его, когда передал его Палласу в Бехезде вместе с осталь-
ными Реликвиями. Они, несомненно, были где-то спрятаны,
ведь Паллас нуждался в древних, пропитанных Даром ве-
щах, чтобы поддерживать Печать, заточившую бога внутри
Беру.

Джуд взял стеклянную сферу, наполненную яркой, переливчатой жидкостью, и спрятал ее в кармане плаща, а затем снова вылез через отверстие в стене башни. Крепко цепляясь за камни одной рукой, он разбил сферу о стену. Жидкость заблестела, разливаясь по камням.

Джуд мало что знал об алхимии или других профессиях Дара разума, но ему пришлось предположить, что алхимик, создавший это зелье и то, с помощью которого он сбежал из камеры, был гением. Переливчатая жидкость при соприкосновении с воздухом должна создать вспышку ослепительно-го света, которая покроет всю территорию между башней узников и сторожевой башней напротив. Но истинная гениальность состояла в том, что реакция происходила только через десять минут. Достаточно времени, чтобы Джуд занял свое место.

Он начал быстро спускаться по стене башни, пока не услышал голоса зрителей, принесенные ветром. Цепляясь за стену в двух этажах над амфитеатром, он понял, что собравшиеся больше не сидят на своих местах, а бегут к выходам. Сцена же оказалась пуста.

Где Беру? Где Паллас? Он осмотрел зрителей, выискивая их, его взгляд метался между жрецами в длинных развевающихся синих одеяниях и свидетелями в черно-золотых. На краю сцены, ближайшему к нему, он заметил Хассана и Гектора, стоящих спиной к спине и окруженных сверкающими серебряными мечами.

Долго не размышляя, Джуд пришел в движение: призвал свой Дар, уперся обеими ногами в каменную стену и оттолкнулся как можно сильнее. Он пролетел по грациозной дуге и мягко приземлился за спиной группы мечников, окруживших Гектора и Хассана.

Раздались слабые вскрики, когда Джуд обнажил меч, висевший на поясе. Ближайший к нему мечник повернулся к паладину лицом.

Джуд замер, не в силах оторвать от него взгляд. Он знал его.

Ярик. Брат Аннуки, член стражи Джуда.

– Клятвопреступник, – прорычал Ярик, и его клинок блеснул в сером свете. Как и на других, на нем был темно-синий плащ, но только теперь Джуд рассмотрел семиконечную звезду-фибулу, удерживавшую его на плечах.

Джуд словно прирос к земле. Это были не просто мечники, а паладины. Его разум отказывался понимать то, что он видит. Эти люди – его люди – служили Иерофану.

И тут Ярик бросился на него, замахнувшись мечом и заставив Джуда парировать. Неправильность этой схватки, необходимость сражаться с собственными людьми выбила воздух из его легких.

Но, видимо, Ярик не видел в этом никаких проблем. Его не волновало, что он нападает на собственного капитана, собственного Хранителя. Он бросился к Джуду, его клинок превратился в серебристую вспышку. Джуд двигался быст-

рее, как и всегда, но Ярик был намного сильнее. А еще Джуд не хотел ему навредить. Даже зная, что тот встал на сторону Палласа, Джуд не мог представить, как навредит члену своей стражи.

Джуд уворачивался и блокировал удары, отступая с пути еще одного взмаха.

– Джуд! – раздался крик Гектора.

Он видел через плечо, что Гектор и Хассан пробиваются сквозь ряды паладинов. Джуд направился к двум друзьям, блокируя следующий удар Ярика, и подскочил к ним.

Гектор схватил его за руку и увел от еще одного нападения.

– У нас проблема, – сказал он, отпуская его и сражаясь со следующим паладином.

– Вижу, – слабым голосом заметил Джуд, парируя один удар за другим.

– Я не про паладинов, – сказал Гектор, заставляя еще одного нападающего отступить. Его взгляд встретился с глазами Джуда сквозь схватку: – Беру. Ее здесь нет.

11. Эфира

Эфира продолжала крепко держать Палласа, уводя его и Беру через тоннель, ведущий в самое нутро цитадели. Вместо того чтобы выйти в центральный двор, она резко повернула налево к лазарету, прижимаясь к внутренней стене, чтобы не попадаться на глаза.

Беру молча шла рядом с ней.

– Помогите мне найти, чем его связать, – попросила Эфира, крепко сжимая руку Палласа, словно тисками, напоминая ему, как легко она может его убить.

Беру кивнула и молча бросилась прочь.

– Это бесполезно, – надменно заметил Паллас, сверкая голубыми глазами. – И вам будет только хуже.

– Не уверена, что может быть еще хуже, – ответила Эфира.

– Вот. – Беру вынырнула из-за угла с мотком веревки на плече.

Эфира толкнула Палласа к одной из колонн галереи и обмотала его и колонну веревкой столько раз, сколько позволяла длина, а потом завязала узел.

– И куда вы пойдете? – спросил Паллас раздражающе спокойным голосом. – Вы не выберетесь из цитадели, не говоря уж о городе.

Эфира проигнорировала его и затянула веревку, проверяя ее прочность.

– Нормально, – решила она и повернулась к Беру. – Пойдем.

– Ты же понимаешь, как это глупо, Беру, – пожурил ее Паллас. – Знаешь, что только я мешаю богу взять над тобой верх. Я нужен тебе. Ты...

Эфира схватила Беру за руку и потянула прочь от Палласа и его отчаянных угроз.

Лишь вопрос времени, когда один из дозорных или свидетелей его найдет. Поэтому им нужно уйти подальше, прежде чем это случится.

– Эфира, можешь, пожалуйста, сказать мне, что мы делаем? – попросила Беру, когда они побежали в лазарет. – Как нам отсюда выбраться? Мы же не можем сбежать через ворота. Выхода нет.

– Вообще-то, – ответила Эфира, – есть один выход.

– Где?

– Такому месту нужно как-то избавляться от мертвых узников, не загрязняя остальную часть цитадели, – объяснила она. – По периметру стены внизу проходит тоннель, ведущий от лазарета, чтобы можно было избавляться от тел, не таща их через всю цитадель. Но он закрыт, если нет тела.

– Так мы его отопрем? Как?

– Не мы, – сказала Эфира. – Илья.

– Но ты только что убила его! – нахмурилась Беру. А потом ее лицо потемнело. – Стой. Только не говори, что собираешься вернуть и его.

– Не совсем, – ответила Эфира, приседая и обходя стену лазарета. – Он не мертв. Я вытащила большую часть его эши. Но не всю.

– Но отпечаток руки, – сказал Беру. – Он остался бы, только если бы ты его убила.

Эфира пошевелила пальцами:

– Алхимические чернила. Невидимые до реакции с определенным веществом. У Ильи было то вещество, а у меня – чернила. – Она хлопнула в ладоши, чтобы продемонстрировать. – И таким образом у нас появилась новая жертва Бледной Руки. Но не на самом деле. Мне нужно лишь возродить его.

И следует поспешить. Тоннель вел в крематорий, где избавлялись от тел, и, если Эфира не вернет Илью к жизни вовремя, от него тоже избавятся.

– Мне нужно, чтобы ты стояла на страже, пока я буду его оживлять, – сказала она Беру. – А потом мы проникнем ко входу в тоннель, к тому времени его уже должны открыть.

Дрожь в голосе выдавала, как она нервничала. Когда Илья впервые рассказал ей об этом плане, она отнеслась скептически к возможности претворить его в жизнь. Эфира скептически относилась почти ко всему, что говорил Илья. Два последних дня она находилась на грани того, чтобы все отменить.

Но не отменила. Потому что впервые Илья рисковал собой. Он попросил Эфиру довериться ему, но их план не сра-

ботал бы без взаимного доверия. Достаточного, чтобы позволить почти убить себя. Илья верил, что потом она его породит. Что она на это способна.

Они много раз тренировались посреди ночи. Эфира вытягивала эшу Ильи и оживляла его на все больших расстояниях, пока не смогла повернуть это изнутри своей комнаты, в то время как он находился на краю резиденции Архона. После таких сессий она видела, как тяжело ему давалась почти-смерть – его лицо становилось бледным, руки дрожали, – но он ни разу не пожаловался.

– Знаю, ты хотела, чтобы я ушла отсюда без тебя, – сказала Эфира. – Но я не могла оставить тебя с Палласом.

– Знаю, – ответила Беру с ноткой печали в голосе.

– А Илья... Он придумал этот план. Способ вытащить нас обоих. – Эфира покачала головой. – Не хочется это говорить, но ты правильно сделала, что доверилась ему. Я бы так не поступила.

Если этот план сработает, то она будет ему должна. Помимо того, что ему уже пообещала Беру в обмен на помощь. Ей хотелось почти спросить ее об этом, но решила, что лучше не знать.

– Ну, – заметила Беру с намеком на улыбку в голосе, – у меня было немного вариантов.

– Ты всегда видишь в людях лучшее, – сказала Эфира, встречаясь с ней взглядом. – Даже во мне.

– Эфира... – мягко произнесла Беру.

Воздух разрезал крик:

– Они пошли туда! Найдите их!

Свидетели. Или караульные. В любом случае, если их с Беру найдут, то их план рухнет, а Илья на самом деле умрет.

– Сюда, – сказала Эфира, поворачивая за угол подальше от линии видимости башни у главных ворот и не выпуская руки Беру.

Впереди показалась плоская крыша павильона. Если бы они смогли подняться по ней, то спрятались бы от проходящих внизу. Эфира бросилась к ней, и Беру старалась не отставать.

И тут из ниоткуда в воздухе раздался пронзительный вопль. Мир взорвался белым.

Мгновение Эфира была уверена, что умирает. Она ничего не слышала, ничего не видела, только чувствовала тепло руки сестры в своей. Секунду спустя ее слух вернулся.

– Эфира, – услышала она Беру, чей голос словно доносился издалека. – Эфира, я ничего не вижу...

Эфира тоже ничего не видела. Ее полностью ослепило, потопив в ярком свете.

– Вон! Это они! – услышала она чей-то крик.

– Где? Я ничего не вижу! – ответил другой голос.

По крайней мере не только они бежали вслепую. Эфира потянула Беру, и девушки поковыляли вперед, в сторону, как она надеялась, павильона. Но прежде, чем она успела сделать еще шаг, кто-то схватил ее за руки.

– Наденьте на нее наручники! – послышался голос.

Схвативший ее за руки вывернул их назад.

– Я убью тебя, – прорычала девушка, вырываясь из их хватки. – Отпусти меня, или я тебя убью.

Она начала вытягивать эшу из напавшего, его хватка ослабла, и тут кто-то другой надел на ее запястье холодный наручник. Огонь и лед пронзили вены Эфиры, а Дар ударился о Божий огонь.

– Нет, – прошептала она. – Нет.

Ей все еще нужно было оживить Илью, прежде чем его тело сожгут. Ей нужно было вывести их всех отсюда.

– Отведите их во двор, – приказал голос. – И сгоните остальных.

Остальных? Кого остальных?

Она почувствовала, как ее прижали к земле, и услышала паническое дыхание Беру, когда свидетели потащили их прочь.

12. Хассан

– Закрой глаза! – крикнул Хассан, перекрывая визг световой бомбы, и за его веками мир окрасился в белый.

Он почувствовал, как Гектор – он решил, что это Гектор – схватил его за плечо, когда свет потух. Хассан моргнул и, открыв глаза, увидел, что окружающие их паладины жмурятся от гаснущей вспышки. Но для них было слишком поздно: световая бомба сделала свое дело. Даже несмотря на Дары, паладины не смогут видеть, пока не исчезнет эффект световой бомбы. Теперь у Хассана, Гектора и Джуда было несколько минут, чтобы сбежать из амфитеатра.

– Не понимаю, – сказал Джуд, осматриваясь. – Беру должна быть здесь. Куда она пошла?

Хассан покачал головой:

– Не знаю. Нужно выбираться отсюда и придумать новый план.

– Вы! – крикнул Гектор и подошел к одному из паладинов, упавшему на колени и в ужасе закрывающему лицо. Он схватил его за воротник и рывком поднял на ноги: – Скажи мне, куда она пошла.

– Клятвопреступник, – выплюнул паладин. – Что ты с нами сделал?

– Скажи, где девушка, иначе клянусь своей нарушенной клятвой, я брошу тебя в море.

– Я ни за что не скажу тебе, – рыкнул паладин.

Не замирая ни на секунду, Гектор толкнул его к краю утеса.

– Стой, стой, стой! – крикнул паладин, спотыкаясь и цепляясь за пустоту. – Она и Бледная Рука сбежали. И взяли пророка в заложники.

Хассан глянул на Джуда, который казался таким же сбитым с толку, как и он сам.

– Давайте поднимемся повыше, – предложил Хассан. – Может, нам удастся их заметить.

Джуд и Гектор убрали мечи в ножны, и Джуд повел их через ряды сидений в тоннель, который связывал амфитеатр с центральным шестиугольным двором цитадели. Гектор с Джудом шли первыми, высматривая караульных и паладинов.

– Оставайтесь здесь, – велел им Гектор и побежал мимо входа в тоннель, легко запрыгнув на стену, окружающую двор.

– Стой, Гектор! – крикнул Джуд.

Гектор замер на стене, а Хассан развернулся, чтобы увидеть, что заметил Джуд. По галерее, ведущей от двора к периметру цитадели, к ним быстро шла группа свидетелей и паладинов. Между ними в наручниках шли девушка-бог и ее сестра.

Джуд схватил Хассана за руку и потащил за собой в тоннель, подальше от глаз. Он снял меч со спины и передал

принцу.

— Будь готов, — только и сказал он, прежде чем исчезнуть за углом.

Хассан ждал в напряженном предвкушении.

Мгновение спустя он заметил вспышку движения и услышал скрежет обнажаемого меча. Джуд.

Хассан побежал вперед, вытаскивая из ножен и свой клинок.

— Хватайте их! — крикнул кто-то, когда Хассан бросился в толпу свидетелей. Джуда и Гектора было едва видно, лишь мелькающие силуэты благодаря Дарам, которые сделали их чрезвычайно быстрыми.

Но Хассан очень скоро понял, что не только они использовали подкрепленную скорость, но и свидетели. Словно каким-то образом они тоже обладали Даром.

Один из свидетелей схватил Хассана, и принц отшатнулся и дернулся, стараясь высвободиться, но движением руки свидетель отбросил Хассана к стене с неестественной силой.

Хассан свалился, и воздух покинул его легкие. Ошибки быть не могло — у свидетелей был Дар.

Противник забыл про Хассана и повернулся к Джуду и Гектору, прокладывающим путь к девочке-богу и ее сестре. Их окружило кольцо окровавленных свидетелей.

Хассан с трудом поднялся на ноги, его голова все еще кружилась после удара. Выхватив меч, он бросился в битву, увернулся от замаха свидетеля и парировал удар караульно-

го, прежде чем остановиться перед Джудом и Гектором, которые наконец добрались до сестер.

– Гектор, что ты здесь делаешь? – спросила девушка-бог, когда тот бросился к ним, позволив Хассану и Джуду мешать свидетелям подойти ближе.

– Спасая вас, а на что похоже?

– Нам не нужно, чтобы вы нас спасали, – ответила сестра девушки-бога, Эфира. – У нас есть план.

Гектор одарил ее сердитым взглядом:

– Ага, и как продвигается?

– Нужно двигаться дальше, – резко вставил Хассан. – Мы тут открыты, и действие световой бомбы уже закончилось. Они пришлют подкрепление.

Паладины из амфитеатра, должно быть, уже недалеко.

– Световая бомба? – спросила Эфира. – Так это были вы?

– У нас был план, – сказал Гектор.

– У нас был план, – выплюнула Эфира. – А вы ему помешали.

– Прекратите, вы оба, – вставила девушка-бог. – У нас все еще есть выход.

– Если кто-то снимет с меня эту дурацкую штуку! – крикнула Эфира, стряхивая наручник с запястья.

Хассан глянул на Джуду, и тот слегка кивнул, прежде чем отогнать еще одного свидетеля. Принц подошел к девушкам, и Гектор молча расширил пространство вокруг них, выигрывая время. Хассан взял Эфиру за руку и перевернул ее за-

пястье вместе с наручником.

– Нужен ключ, – сказала Эфира, сжимая челюсти, – которого у нас нет. Тебе придется сломать мне большой палец.

Хассан побледнел от такого предложения.

– Может, если мы...

– Эфира, – обеспокоенно произнесла девушка-бог.

– Нет времени, просто сделай это! – быстро потребовала она. – Я могу исцелиться. Сними его, и мы сможем выбрать-ся.

Краем глаза Хассан увидел, как паладины заполняют входы во двор. Их окружили враги, и спасение казалось маловероятным. Эфира схватила сестру за руку свободной рукой и протянула другую Хассану.

– Давай! – крикнула она дрожащим от паники голосом.

Хассан взял ее за большой палец и дернул его в сторону ладони.

Эфира вскрикнула от боли, и этот звук потряс Хассана до самых костей. Морщась, он снял с нее наручник как можно быстрее. Эфира выкрикнула длинный ряд ругательств, когда запястье оказалось на свободе, после чего споткнулась, словно сейчас упадет, и сестра обхватила ее вокруг талии.

– Я в порядке, – выдохнула Эфира, хотя, судя по ее голосу, это было совсем не так. Она тяжело вздохнула, закрыв глаза, и замерла. Здоровая рука сжалась в кулак.

Хассан глянул на ее сестру:

– Она в порядке?

– Тише, дай ей секунду. Ей нужно сосредоточиться, чтобы оживить его.

«Оживить кого?» – подумал Хассан, но сейчас не было времени задавать новые вопросы. Он развернулся к подкрадывающимся паладинам и бросился в битву, чтобы помочь Джуду и Гектору защищать их позиции.

Но если Хассану было сложно справиться с получившими Дар свидетелями, то с опытными паладинами он сравниться вообще не мог. Прежде чем он успел осознать, трое паладинов окружили его. Хассан увернулся от одного удара, повернулся и парировал другой, но открылся третьему противнику.

– Хассан!

Он даже не успел моргнуть, как Джуд уже стоял рядом и блокировал удар. Сердце принца неистово колотилось, и он почувствовал, как кто-то схватил его за плащ сзади и бросил на пол. Хассан больно ударился о камни и, резко вздохнув, дико замахнулся мечом в отчаянном желании защитить себя. Паладин выбил меч из руки Хассана, и принц успел заметить лишь темно-синий плащ мечника и его угрожающие глаза, когда тот направил острие клинка ему в грудь.

– Стойте! – по двору разнесся властный голос Иерофана.

Хассан выдохнул, дрожа, а меч паладина замер в паре дюймов от груди принца.

Он поискал источник голоса и, взглянув на стену, увидел Иерофана с шестью свидетелями по бокам, включая того, ко-

торый сам выжег собственный Дар.

– Опустите оружие, – приказал Иерофан.

К удивлению Хассана, паладины повиновались, остановились и повернулись к своему господину.

В голове Хассана стучало. Что задумал Иерофан? Онглянул на Джуда и Гектора, которые стояли напряженные и готовые сражаться или бежать.

– Вы в своей глупости пытались противостоять мне, – сказал Иерофан, его голос сочился скорее разочарованием, чем настоящей злостью. – Теперь сдавайтесь, или ваши друзья заплатят за это.

За спиной Иерофана появилось больше свидетелей, и они притащили с собой пленников. Их толкнули к парапету. Одним из них был парень, который выглядел даже младше Хассана, со спутанными темными волосами и лицом, испачканным в крови. Хассан не узнал его, но услышал резкий вздох Джуда.

К парапету толкнули второго пленника, и Хассан почувствовал, как кровь отливает от лица. Он узнал эти глаза, золотисто-карие, темные, горящие вызовом. Эти тонкие пальцы касались его, а эти окровавленные губы целовали.

– Нет, – услышал он свой голос. – Нет, нет.

Это невозможно. Кхепри. Она была в Назире. Она не может находиться здесь.

Но правда стояла перед его глазами. Кхепри не сбежала из руин маяка. Когда Иерофан захватил Хассана и Араша,

должно быть, он взял и Кхепри.

Все это время она была пленницей, а Хассан об этом даже не знал.

Шок превратился в ужас, когда он заметил лезвие возле горла девушки.

– Сдавайтесь, – снова потребовал Иерофан. – Или они умрут.

Кхепри встретила взглядом с Хассаном, в ее глазах горели страх и ярость. Лезвие упиралось в ее шею под подбородком, и кровь была такой яркой, что Хассан видел ее даже с двадцати шагов. Она покачала головой, но Хассан уже поднимал руки вверх, сдаваясь.

Стоявший перед ним Джуд опустил меч.

Гектор глянул на них, потом на Иерофана и заложников и, выдохнув в ярости, тоже бросил меч на землю.

Хассан почувствовал, как его схватили сзади, завели руки за спину и связали. Одного за другим свидетели вывели их со двора.

13. Антон

– Уверен, что это то самое место? – скептически спросила Странница, когда Антон подвел ее к низкому, приземистому зданию в конце не покрытой булыжником дороги.

– Да, уверен, – раздраженно ответил Антон. Пустое царпанье эши Ильи тихо жужжало вокруг него. Она всегда тревожила его, но в этот раз он сам ее искал. – А что?

– Потому что это крематорий, – ответила Странница.

Антон вздрогнул. Что Илья делал в крематории?

– Давай, – нетерпеливо сказал он и пересек дорожку к зданию.

– Постучим? – поинтересовалась Странница.

Он одарил ее раздраженным взглядом. Она никогда раньше никуда не вламывалась.

– Если это крематорий, то здесь должен быть дымоход, – сказал он, обойдя здание по кругу и забравшись на ящики.

Ему с трудом удалось схватиться за край крыши, подтянуться и засучить ногами по стене здания.

– Я подожду тебя здесь, ладно? – спросила Странница. – Постою на страже.

– Иди к двери, – все еще раздраженно ответил Антон, а потом побежал по крыше. И, конечно, там нашлось достаточно большое отверстие, чтобы можно было проникнуть внутрь. Внизу он увидел стопку дров – там они сжигали тела.

Это хоть немного смягчит его приземление.

Антон спрыгнул, и дерево затрещало так громко, что он испугался, что кто-то прибежит на звук. Но в здании было тихо. Он немного подождал, чтобы убедиться, что никого нет, встал на ноги и открыл задвижку на двери.

– Пусто, – сказал он Страннице, которая прошла внутрь мимо него.

– Хорошо, – ответила она.

– То есть Ильи нет, – уточнил он.

– Нехорошо, – исправилась она. – Смотри, там есть лестница. Может, какой-то подвал?

Антон обыскал помещение в поисках лампы, но ничего не нашел. Придется рискнуть идти в темноте.

Он пошел вниз первым, а Странница следом за ним. Чем ниже они спускались, тем более тусклым становился свет, и Антон почувствовал, как по спине пробегает холодок. Они оказались в темной, лишенной воздуха комнате с низким потолком. Тут слабо пахло землей, и по обеим сторонам стояли ящики, похожие на деревянные ясли.

Не ясли, понял Антон и вздрогнул. Это были гробы. Наполненные телами.

Волосы встали дыбом. Он замер на месте, в то время как Странница осматривала ряды гробов.

– Антон, – осторожно позвала она, не отрывая взгляда от одного из них.

Он понял, что она собирается сказать, прежде чем подо-

шел к ней.

Антон так долго страшился лица собственного брата.

Но теперь, глядя сверху вниз на неподвижного и спокойного Илью в гробу, он не испытывал страха. Антон чувствовал себя опустошенным, словно потерял что-то, хотя не знал, что обладал этим. Глаза Ильи были закрыты, лицо казалось странно мальчишеским, исчез жесткий изгиб губ и злобный блеск в золотистых глазах. Он казался почти маленьким. Человечным. Не монстром из кошмаров Антона, а просто юношей.

И на его горле Антон увидел бледный отпечаток руки.

Покачнувшись, он отступил назад. Эфира? Она его убила?

Но он все еще чувствовал, как в помещении слабо вибрирует нить эши Ильи, словно звук бьющегося стекла.

– Он не может быть мертв, – сказал Антон, поднимая взгляд на Странницу. – Ты ведь тоже чувствуешь его эшу?

Она опустила руку в гроб и прижала пальцы к горлу Ильи в поисках его пульса.

– Он жив. Едва. Что хочешь делать?

Это был план Антона. Его глупая идея.

Им нужен был другой способ проникнуть в цитадель. Новый план.

Но прежде, чем он успел его придумать, ресницы Ильи затрепетали. Антон замер на месте, уверенный, что это игра света, но тут Илья ахнул и открыл глаза.

Антон отшатнулся. Его сердце колотилось с такой силой, что могло вот-вот выскочить из груди. Он споткнулся о другой гроб и свалился на землю.

– Я не мертв! – закричал Илья, хватаясь за край ящика и садясь прямо.

– Очевидно, – выдохнул Антон и поднялся на ноги. Его сердце все еще бешено стучало.

Взгляд Ильи обратился на него, и на лице отразилось замешательство:

– Антон?

– Удивлен? – спросил он, смахивая с себя пыль, чтобы не пришлось смотреть на брата.

– Если ты галлюцинация, вызванная почти-смертью, то нет, – ответил Илья. – Но будь ты галлюцинацией, то уже перечислял бы все ужасные вещи, которые я с тобой сделал, так что, наверное, ты настоящий.

– Возможно, обсудим это позже.

Илья начал выбираться из гроба, но тут остановился и взглянул на Страницу.

– А ты кто?

– Она со мной, – ответил Антон. – Не хочешь объяснить, почему ты в крематории, на грани смерти?

– Если хочешь знать, – ответил Илья, поправляя одежду, – меня только что казнил Паллас. Ну, по крайней мере, он так думает.

– Извини, что? Непохоже, чтобы тебя только что казни-

ли. – Антон сощурился, осматривая бледное лицо и дрожащие руки Ильи.

– Да, спасибо, в этом и был смысл, – ответил его брат, лизнул большой палец и провел им по бледному отпечатку руки на горле. К удивлению Антона, знак стерся. – Это часть плана. – Он внимательно посмотрел на брата. – Но не ты. Меня ждут в другом месте, так что, может, отметим воссоединение позже?

– Какой план? – спросил Антон. – Что ты задумал?

Илья не ответил, просто развернулся на каблуках и пошел в глубь помещения.

– Куда ты? – окликнул его Антон и бросил взгляд, полный замешательства, на Страницу. Она лишь пожала плечами.

– Тут есть проход, который ведет в цитадель, – ответил Илья. – Ага, вот он.

– Зачем тебе в цитадель? – спросил Антон, догоняя Илью у входа в тоннель, освещенный через определенные расстояния яркими лампами.

– Чтобы спасти Эфиру и ее сестру, – ответил Илья, словно это очевидно.

Антон рассмеялся, но Илья лишь холодно посмотрел на него.

– Стой, ты что, серьезно?

– Конечно, серьезно, – ответил Илья. – Пока Паллас контролирует девушку, сила бога в его распоряжении. Мы вытаскиваем их отсюда, и он утратит этот источник сил.

Антон в шоке уставился на него:

– Ты на самом деле ожидаешь, что я поверю, будто ты уже не на его стороне? После того, что ты сделал в Бехезде?

Илья одарил его знакомым взглядом, полным презрения:

– То, что я сделал в Бехезде, помогло мне получить место во внутреннем окружении Палласа, что и позволило мне все это проверить.

– Ты считаешь меня глупцом, да?

– Мне плевать, что ты сейчас думаешь, – ответил Илья. – Можешь подождать здесь или пойти со мной, если хочешь, и увидеть все своими глазами. Но мне пора.

– Ага, – произнес Антон. – Ты, наверное, хочешь, чтобы я пошел с тобой и ты мог отдать меня Палласу.

– Я только что сказал, что мне плевать, пойдешь ты или нет.

– Ну, так получилось, что мне тоже нужно попасть в цитадель, – сказал Антон. – Так что мы идем с тобой. И ты отведешь меня к Джуду.

– Джуду? – непонимающе повторил Илья. – Ты про безнадежно влюбленного в тебя мечника?

Лицо Антона вспыхнуло.

– И зачем мне вести тебя к нему? Я понятия не имею, где он.

– Не ври мне, – яростно ответил Антон. – Я знаю, что Паллас запер его. Я видел это.

Запер и, возможно, пытал. Антон сглотнул свой страх.

– Не имею ни малейшего понятия, о чем ты.

Это было глупо. Ему не нужен Илья, чтобы найти Джуда. Он был пророком. Антон закрыл глаза и снова поискал эшу Джуда, позволил ей утащить его прочь от крематория, от Ильи, от собственного тела, пронести через пространство и наконец показать все, показать его.

Джуд стоял на коленях в большом вестибюле, спиной к одной из стен. Над ним возвышались высокие окна, через которые виднелось серое небо. Джуд был не один, рядом с ним на коленях стоял Гектор, а также принц Херата, Беру, еще Эфира и хератская девушка, которую Антон не узнал. И тут он вздрогнул, осознав, что парень рядом с ней – Эвандер.

Все они были связаны и окружены десятком свидетелей и, как ни странно, несколькими паладинами возле балкона-мезонина, с которого на них взирали Паллас. Антон не разобрал слов, все было нечетким и размытым, словно он слушал с другой стороны толстого стекла, но затем двое свидетелей схватили Джуда и потащили его прочь от других.

– Нет! – воскликнул Антон, и изображение растворилось. Он вернулся в тоннель к Илье и Странице, сжимая руки в кулаки.

– Антон? – позвала Страница, коснувшись его плеча. Даже Илья выглядел испуганным.

– Они у Палласа. Все они, – он взглянул на Илью. – И Беру с Эфирой тоже.

Илья тихо выругался.

– Где?

– Не знаю, в каком-то вестибюле, – ответил Антон и постарался вспомнить, что видел. – Там были высокие окна и нависающий сверху балкон.

Илья развернулся на каблуках и пошел в тоннель.

– Куда ты? – окликнул его Антон.

– Помещение, которое ты видел, находится в резиденции Архона, – откликнулся Илья. – Этот тоннель приведет нас в лазарет внутри цитадели, и нам останется просто проникнуть в резиденцию. Хотя я точно не знаю, как проскочить через цитадель незамеченными... О! Мы можем найти форму караульных в лазарете и замаскироваться.

– А потом что? – спросил Антон.

Илья остановился, глядя в темноту.

– Возможно, у меня есть план, – медленно произнес он. – К несчастью для тебя, тебе придется мне довериться.

Антон вспомнил выражение лица Джуда, когда свидетели потащили его прочь. Суровая решимость, огонь и сталь перед лицом страха. Что бы Паллас ни задумал с ним сделать, он точно собирался его сломать. А может, и убить.

– Ладно, – нехотя произнес Антон. Брови Илья удивленно подскочили, словно он не ожидал, что брат на самом деле согласится. – Я готов.

– Ты доверишься мне? – спросил Илья, не отрывая взгляда золотистых глаз от лица Антона.

Он почувствовал, что и Странница смотрит на него с лю-

бопытством. Антон обхватил себя руками, защищаясь от внезапно накрывшего его холода.

– Нет. Никогда. Но я пойду с тобой.

Илья смотрел на него в темноте, молча и не шевелясь долгое время. Антон не мог прочитать выражение его лица. Наконец, старший брат кивнул:

– Давай больше не тратить время зря.

Он скрылся в тоннеле, и через мгновение Антон последовал за ним вместе со Страницей. Он готов был рискнуть ее жизнью и своей, чтобы спасти Джуда. Готов был сделать что угодно, даже последовать за Ильей в пасть врага.

Прошлое

В итоге именно страх того, что бог может сделать с Темарой, убедил Ананки. Она поцеловала любимую на прощание в хижине на краю мира и отправилась в путь с Палласом.

Их путешествие заняло много недель: они переплыли море Пелагос и вышли на равнины Сети. Ананки очень долго боялась слов, которыми ее встретят остальные пророки. Она то грустила, то раскаивалась, то злилась из-за их предательства.

Пророки встретили их на берегу Реки милосердия, на окраине города Бехезда.

– У нас мало времени, – предупредил их Паллас. – Как только бог почувствует, что Ананки вернулась, он придет за

ней.

– Тогда давайте сделаем все быстро, – согласилась Назира.

– Пойдите, – произнесла Ананки. – Я... мне нужно сказать вам, как мне жаль, что я стала причиной всего этого.

Бехезда положила руку на плечо Ананки:

– Ты поступила глупо. Но и мы будем дураками, если не поймем, что это наш единственный вариант.

– Еще будет время для взаимных упреков и оправданий, – ответил Тарсеис. – Паллас, скажи нам, что нужно сделать, чтобы уничтожить бога.

– Бог разговаривает с нами и только с нами, – сказал Паллас. – Только мы слышим священные слова нашего создателя. Не слова человеческой речи, но могущественный голос бога, который может свести с ума любого человека. Только мы понимаем язык его эши.

– И? – спросил Керик. – Как нам его победить?

– Отвечая ему, – объяснил Паллас. – В каждом из нас хранится часть эши бога. По отдельности эти кусочки божественной эши дают нам силу понимать его послание. Но если мы объединим силы, то сами сможем говорить на языке эши бога. Наши эши смогли бы вместе произнести слово, которое его уничтожит.

– Произнести слово бога, – повторила Назира и покачала головой. – Это опасный план, Паллас.

– Это единственный вариант, если мы хотим спасти мир от божьего возмездия, – ответил тот.

Нехотя, все остальные кивнули в согласии.

Семеро пророков позволили своим эшам обратиться к миру вокруг них. Каждая из них звенела на своей божественной частоте, и, когда волны эши стали расходиться, они начали накладываться друг на друга, превращаясь в одну-единственную волну силы.

Слово, которое было произнесено голосом бога, языком его созданий.

Священное слово, произнесенное пророками.

Солнце накрыла черная тень, и по равнине пронесся ветер.

Тень и свет превратились в бушующую массу.

Явился бог.

Он с ревом пролетел над землей и накинудся на пророков, словно большой непостижимый зверь.

Семеро подняли взгляд и увидели, что на них надвигается божественный гнев.

Они протянули руки и с помощью священного слова, вибрирующего между ними, коснулись бога.

Свет и пламя.

Бледные языки огня взметнулись в воздух, когда узор эши бога развалился на части. Его тело, созданное из света и тени, пало на землю.

14. Беру

Беру стояла на коленях на мраморном полу рядом с Эфирой.

– Я рад, что вы постарались спасти друзей, – сказал Паллас, медленно идя вдоль ряда пленников. – Теперь у меня есть более ценные заложники. Принц Херата. – Он коснулся ладонью затылка принца, достаточно сильно, чтобы опустить его голову. – И парень, имеющий любопытную связь с моим любимым питомцем.

Беру не нравилось, что Паллас может использовать Гектора против нее почти так же, как он использовал и Эфиру. Но теперь все они оказались в его власти. Свидетели уже утасовали мечника, Джуда, прочь, и Беру боялась даже думать, кто будет следующим.

Она глянула на Гектора. Паллас как раз проводил пальцами по его затылку, отчего он вздрогнул, борясь с цепями из Божьего огня на запястьях. Беру накрыла волна страха и ярости. Она поняла, что сучала по эмоциям Гектора, которые не чувствовала пару последних месяцев. Чем ближе они находились друг к другу, тем сильнее становилась их связь. Она так привыкла чувствовать вместо этого эмоции бога. Но с Гектором все было по-другому: эти чувства не казались неестественными, стирающими все, абсолютными. Нет, они были успокаивающими. Знакомыми. Она внимательно по-

смотрела на его профиль, сжатые челюсти и сосредоточилась на его чувствах, когда в голове зазвенел голос бога.

– *Маленькая смертная*, – прошипел бог, – *вот твой шанс. Убей его.*

«Я связана», – напомнила она ему. Ее шея болела от холодного металла ошейника из Божьего огня.

– *Нет, это я связан*, – ответил бог. – *Ты могла бы освободиться, если бы так не боялась. Цепи не могут полностью сдерживать бога.*

Беру поежилась, так как знала, что бог говорит правду, и пусть речь шла про ошейник, то же самое касалось и печати. Она не сможет сдерживать бога вечно.

– *Ты позволяешь им контролировать тебя, хотя мы намного сильнее*, – дразнил бог. – *Ты обрекаешь своих друзей на страдания из-за собственной слабости.*

– А ты, – произнес Паллас, кладя ладонь на щеку Эфиры. – Кажется, мне нужно показать тебе твое место.

– Не надо, – обратилась к нему Беру. – Не наказывай ее. Накажи меня. Это был мой план.

– О, но я же наказываю тебя, – ответил Паллас. Он никогда раньше не заставлял ее смотреть на это.

– Стой! – взмолилась Беру. – Я сделаю все, что ты попросишь. Только... только не причиняй ей боль. Никому из них.

– *Есть только один способ спасти их. Убей его.*

Беру зажмурилась, пытаясь заглушить мысли бога.

– *Убей его и освободи меня*, – приказал бог. – *Я проявлю*

милосердие и позволю этим смертным жить, если ты захочешь. Я защищу их.

«Нет». Она все еще помнила, каково это – оказаться в ловушке собственного тела, пока бог сеял хаос и разрушения в Бехезде. Она никогда раньше не сталкивалась с таким ужасом, и он все еще ее преследовал. Глубокий, непостижимый океан божественной ярости. Абсолютная собственная беспомощность и незнание, будет ли бог разрушать и сотрясать мир, пока тот не развалится на части. Пока всё и все, кого она любит, не обратится в пыль от бесконечной силы бога.

Нет, она не убьет Палласа. Не освободит бога. Ни за что.
– Ты сделаешь все, как я говорю, или я убью их всех, – сказал Паллас. – Точно так же, как убил Илью. Я знал, что вы стали сообщниками.

Беру уставилась в пол, стараясь не смотреть на Эфиру. Илья. Он все еще находился где-то там. Смогла ли Эфира оживить его, прежде чем их поймали?

Как только в ее голове возникла эта мысль, большие двери распахнулись, и в вестибюль проник свет.

Но по парадной лестнице спускался не Илья. Это была женщина, незнакомая Беру.

Но бог ее явно узнал.

– *Предательница*, – выплюнул он, – *Седьмой пророк. Та, из-за которой это все началось.*

Женщина уверенно прошла в двери. Несмотря на обычное темно-синее платье и волосы, убранные в аккуратный

пучок, она была самой элегантной женщиной из виденных Беру. Когда незнакомка обратила свой взор на Палласа, по телу Беру пробежал холодок. Было что-то такое в ее темных глазах, что-то пронизывающее в ее взгляде, так напоминающее Палласа. И все отличающееся.

Странница.

Беру в шоке уставилась на новоприбывшую. Еще один пророк? Она не знала, почему раньше не догадалась: если Паллас бродит по земле, то почему этого не делать и другим первым пророкам.

Она видела много всего невозможного в своей жизни. Свое воскрешение. Воскрешение Гектора. Короля Некроманта, живого, даже несмотря на прошедшие пятьсот лет и заключение в пустынном оазисе. Возвращение убитого бога в руинах Бехезды.

Но она все равно удивилась появлению в вестибюле Странницы, одной из семи пророков, которые убили бога и отдали Дар человечеству.

Взгляд женщины встретился с Палласом. Он смотрел в ответ, и его лицо ничего не выдавало, но на нем застыло жесткое выражение.

– Паллас, – поприветствовала его Странница. – Давно не виделись.

– Больше сотни лет, – согласился Паллас. – Я полагал, что ты боишься со мной встречаться.

– Боюсь? – переспросила Странница, и в ее музыкальном

голосе зазвучала улыбка. – Это не я отказалась от имени и приняла новый облик, чтобы спрятаться от остальных.

– Не то чтобы у тебя было имя, от которого можно отказаться.

– Ты об этом позаботился, – ответила Странница с намеком на улыбку. – Давным-давно.

Беру переводила взгляд с одного пророка на другого, пытаясь разобраться в их разговоре. Были ли они союзниками? Врагами?

– Так ты наконец вернулась, чтобы торговаться по поводу своей жизни? – спросил Паллас. – Ты не можешь не знать, как давно я мечтаю убить тебя.

– Нет-нет, – рассмеялась Странница. – Боюсь, придется подождать еще немного. Я пришла предложить тебе то, что ты отчаянно желаешь.

– И что же это?

– Меня, – по огромному вестибюлю разнесся новый голос.

Беру подняла взгляд на балкон над ними. Там стояла одинокая фигура, которую омывал льющийся через витражные окна свет. Антон.

Она услышала резкий вздох Гектора, а принц тихо про-
бормотал:

– Это невозможно.

По рядам свидетелей и паладинов пробежала волна перешептываний.

– Схватить его, – приказал Паллас паладинам. – Немед-

ленно.

Антон спокойно поднял руки, когда паладины поднялись по лестнице и окружили его на балконе. Он слабо кивнул, едва заметно, и тут Беру почувствовала чье-то присутствие за своей спиной. В этот момент раздался шепот:

– Не двигайся.

Беру замерла.

– Я сниму ошейник, – тихо произнес Илья. – Воспользуйся своей силой, чтобы освободить всех остальных. У причала стоит корабль.

Она поняла, о чем он просил. Воспользоваться силой бога, чтобы вывести всех из резиденции Архона, из цитадели и отвести на корабль? Но может ли она это сделать, не освободив бога полностью?

Девушка не была в этом уверена. Она чувствовала, как бог давит на прутья клетки, сотрясает печать, заключившую его в ней. Использование его сил подпитывает его и делает волю сильнее.

Но прежде, чем она успела сравнить этот риск с перспективой свободы, Беру почувствовала, как пальцы Ильи растегнули ошейник сзади. Он упал в ее ждущие руки. Тупая боль от металла из божьего огня отступила, а вместо нее на Беру нахлынули эмоции бога. Злость и возбуждение смешались с ее собственными облегчением и страхом.

– Сейчас, – поторопил ее Илья. – Пока паладины заняты.

– *Давай, маленькая смертная. Посмотрим, на что ты*

способна.

Беру колебалась, горячая паника взметнулась внутри нее.

– Мы оба с тобой знаем, что я освобожусь. Так или иначе, – сказал бог. – Можешь спасти своих друзей, пока это еще возможно.

Беру глянула на Эфиру и Гектора. Оба смотрели на Антона на балконе и не видели, что Илья уже занимался их спасением. Если она найдет смелость и сыграет свою роль.

Сделав вдох, Беру встала на ноги и одним движением запястья сломала цепи остальных узников.

Паллас повернулся к ним, и ей показалось, что в его глазах промелькнула тень страха.

В мгновение ока Кхепри и Гектор прижали к земле двух свидетелей, стоявших рядом с ними. Другие действовали не так быстро: Эфира и Хассан яростно боролись с тремя другими свидетелями. Еще двое надвигались на Страницу, стоящую на пороге вестибюля.

– Убейте их! – прошипел Паллас. – Если она не станет мне повиноваться, то убейте остальных.

«Нет».

Не думая, Беру выкинула вперед руку. Сила бога поднялась к поверхности, и свидетели с паладинами замерли посреди движения, а некоторые свалились на пол, не в силах остановить инерцию. Беру поняла, что это она заморозила их.

Глаза Палласа широко распахнулись, его взгляд был при-

кован к Беру. Внутри нее гудела радость бога. Наконец, наконец, они взяли верх над Палласом. Наконец он боялся того, что они могут сделать.

Ее взгляд привлекла вспышка движения, и она заметила, что Антон отошел от замерших паладинов, развернулся и бросился вон из вестибюля в коридор.

– Куда он? – услышала она вопрос Эфиры.

– На поиски Джуда, – ответил стоящий рядом с ней Илья.

Беру машинально отыскивала взгляд Гектора. В ней бушевали страх и ярость, и она знала, что он хочет сделать.

Она слабо кивнул ему:

– Иди.

Гектор кивнул в ответ, прежде чем броситься вслед за Антоном.

Беру снова сосредоточилась на Палласе.

– *Убей его*, – потребовал бог. Его голос ревом раздавался в ушах Беру.

Она смотрела в холодные голубые глаза Палласа и чувствовала, как внутри нарастает ненависть бога. Вместе с ней пришло желание использовать божественные силы против Палласа так же, как он множество раз заставлял ее использовать их для него.

Девушка чувствовала, что теряет контроль. И, судя по страху в глазах Палласа, он тоже это понимал.

– Беру, – позвал Илья за ее спиной. В его голосе звучала тревога.

Причал. Корабль. Нужно всех туда отвести. Но внутри нее все еще бушевал бог, наполняя ее разрушительным желанием сломать Палласу шею. Сделать это так легко.

Крепко зажмурившись, Беру ослабила хватку на силе бога, чтобы та не могла взять над ней верх.

Свидетели и паладины ожили, внезапно снова обретя способность двигаться.

– Цепи из Божьего огня! – рявкнул Паллас. – Быстрее!

Свидетели и паладины снова бросились в атаку, окружив Беру и остальных. Они были безоружными. Беззащитными.

Беру была их единственным шансом на спасение.

«Ты – Беру из Медеи», – сказала она самой себе и снова потянулась за силой бога. Шлюз открылся, и воля бога пронеслась по ее телу. «Ты – Беру из Медеи».

Она потянулась к чему-то, к чему угодно, что послужило бы ей якорем, и воскресила воспоминание из потаенного уголка разума. Лицо Гектора в темноте. «Я тебя прощаю, – сказал он. – Я не хочу, чтобы ты умирала».

Беру удерживала это воспоминание, хватаясь за него, словно за спасительный канат, и снова потянулась за силой бога, сопротивляясь ярости, которая пришла вместе с ней. Девушка выкинула вперед руку, и из ладони вырвалась сила, подобно волне, врезаясь в стены вестибюля и разбивая окна.

Она подхватила осколки стекла в воздухе, подвесив их и нацелив острия на каждого из свидетелей и паладинов.

Воля бога вопила в голове девушки, грозя поглотить ее.

На другом конце комнаты глаза Палласа полыхнули яростью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.